

ИГОРЬ КОВАЛЬЧУК

БЕССМЕРТНЫЕ

Игорь Ковальчук

Бессмертные

Серия «Бессмертные», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143259

И.Ковальчук. бессмертные: Лениздат; Санкт-Петербург; 2006

ISBN 5-289-02336-4

Аннотация

«... Когда-то здесь высился великолепный форт, но десяток лет штурма превратил военную постройку в развалины.

Войска Асгердана (он же Центр – в просторечии) обычно не пользовались огнестрельным оружием. Оно не было запрещено и даже стояло на вооружении армии, но считалось, что большого толка с него нет. От века солдаты воевали с солдатами, то есть с людьми, и ту же функцию выполняла магия. А огнестрельное оружие... Такое впечатление, что оно воюет со строениями. Разрушения, которые провоцируют пороховые взрывы, очень сложно спровоцировать. Это неудобно. И, кроме того, достаточно одного хиленького мага, чтоб он смог поставить защиту от любой пушки.

Потребовалось восемь лет, чтоб понять, что в форте нет ни одного мага. По крайней мере, если он и был первые восемь лет, то последние два года никаких следов мага не обнаруживалось, и пушки сумели сравнять каменные стены с землей. Похоже,

команда Белокурой Бестии, засевшая там, либо владела запасом артефактов, достаточным на такой долгий срок, либо их маг умудрился от чего-нибудь скоропостижно скончаться. Бывает и такое.

Правда, слишком много времени потребовалось, чтоб разрушить стены, защищавшие отряд от штурмов. Магия против него не помогла... ...»

Перед вами – история юности Руина Армана, ставшего впоследствии величайшим магом мира Асгердан, в просторечии именуемого Центр.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	17
Глава 2	61
Глава 3	92
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Игорь Ковальчук

Бессмертные

*Большое спасибо Свиридовой Веронике за
помощь в формировании замысла*

Пролог

Солнечным утром, в восемь утра, когда покидаешь свою квартиру и подходишь к машине, собираешься вставлять ключ, понимаешь, что лишь для тебя день только начался. А солнце уже давно встало, и летом для него восемь утра – едва ли не середина дня. Мир и человек зачастую работают в совершенно разных ритмах, но таков распорядок жизни делового мира – офисы и биржи открываются только к девяти утра.

Биржа появлялась из-за поворота, как иногда с противоположной стороны острова появляются корабли – быстро, но все же не совсем сразу, даже если едешь очень быстро. Сначала край лестницы и первая колонна в колоннаде, потом весь ряд и само здание, разрезанное каменным лесом на равные прямоугольнички, и три двери в ряд, средняя всегда нараспашку, даже когда подмораживает – зимы-то настоящей в этих широтах не бывает. Потом это строение во всей сво-

ей красе появляется перед глазами, и снова исчезает, потому что парковать машину надо напротив, через площадь, а оглядываться некогда.

А там уже, как всегда, полным-полно машин и людей, негде ступить, шумно и весело, хорошо одетые мужчины и иногда женщины в строгих деловых костюмах начинали обсуждать сделки, едва выбравшись из машин.

Эта картина возникающей из-за поворота панорамы биржевого царства так же величественно, как и столбики цифр на биржевом табло. Достаточно лишь представить себе, какие огромные суммы крутятся перед глазами, сколько человеческого труда и возможностей они олицетворяют. По нынешним временам вовсе незачем поутру ехать на биржу, достаточно сесть за домашний компьютер и забраться в сеть. А дальше можно просто наблюдать за жизнью биржи по схемам, визуальным картинкам или цифровым приложениям, а можно и поучаствовать. Прежде чем положить руки на клавиатуру, она всегда вызывала в памяти панораму биржи, постепенно появляющейся из-за поворота.

А потом уже нельзя отрываться, потому что в игре порой бывает важна каждая секунда. Вот столбцы, что ж, двадцать сюда, тридцать туда, эти акции хороши, надежны, но для мгновенной игры не подходят, а вот с этими деловой человек связываться не станет, если, конечно, не хочет выдавить несколько сотен шального дохода. Заработать можно было и на перепродаже ценных бумаг, если курс неустой-

чив (неважно, падает он или взлетает), и на посредничестве в торговле большими партиями какого-нибудь товара... Она с напряжением, но без особого трепета следила за тем, как сменяются цифры на миниатюрном подобии биржевого табло, и ни минутой раньше, ни минутой позже коснулась нужной клавиши.

За три часа работы по скромному подсчету выходило... Кстати подоспел и итог, в сумме чистого дохода получилось тысяча шестьсот двенадцать – неплохо.

Вообще-то она, как и все ее родичи, считала зазорным играть на бирже – не только потому, что эта игра азартна и опасно затягивает, но еще и оттого, что предостерегало деловое чутье. Известный закон – сегодня найдешь, завтра потеряешь, в мире должна быть гармония. Куда как обидно, если ты «найдешь» на бирже, а «потеряешь» в своем родном бизнесе. Деловые люди не менее суеверны, чем моряки или военные, они почти так же зависят от судьбы. Реневера, как и ее родственники – огромный клан Мортимеров – обладала особым чутьем на все, связанное с бизнесом, и понимала, насколько губительна для сноровки дельца пустая игра на повышение-понижение. Мортимеры играли на бирже только в том случае, если очень срочно требовались деньги.

«Реневера Мортимер» было написано на кредитной карте, которую она вставила в щель компьютера, подключенного к единой компьютерной сети. Миг – и счет девушки пополнился полутора тысячами кредитных единиц – остальное пошло

на оплату сопутствующих операций. Дождавшись сигнала, она вынула карту и перебралась из кресла на диван.

Вообще-то утренним сидением у компьютера работа Реневеры не исчерпывалась. У нее был неплохой бизнес в сфере транспортных услуг. Фирма, которой она владела на паях со своим родственником по клану, Эллором Мортимером, поставляла оборудование для железных дорог и эхо-портальных путей. Эллор занимался внутренними делами фирмы, а она «вела внешние», то есть изыскивала контракты, заводила знакомства, постоянно искала новых клиентов. Если была такая необходимость, Реневера могла заменить родича, то есть отлично разбиралась во всех делах фирмы. А это требовало времени.

Недавно ей удалось получить семь отличных, многообещающих заказов. Контракты были подписаны, техническая сторона дела улажена, и это должно было обеспечить их компанию надолго, значит, ближайшие полгода присутствие Реневеры на рабочем месте каждый день с девяти до шести не так уж необходимо. Можно устроить себе отпуск и уладить собственные дела. А то и насладиться приключениями.

– Рене! Ты уже встала? – из спальни выглянул Гайтер, ее муж, улыбнулся. – Завтрак мне не приготовишь?

Замотала головой.

– Я занята. Давай-ка сам.

Муж подошел, придерживая пояс халата, обнял ее за плечи, прижался. Он был крупный, рослый мужчина с широки-

ми плечами и твердой, словно из дерева вытесанной грудью. Хоть и не слишком красивый, но крепкий, многим девицам на зависть. Когда Гайтер смотрел на жену, его взгляд смягчался, исполнялся нежности, застенчивой ласки, но Реневера привыкла к этому и перестала обращать внимание. Она знала, что муж любит ее. Любит... Ну и что?

– Ты уже успела сегодня слазить на биржу? Ну и как?

– Выцедила немного... Послушай, мне надо будет на какое-то время исчезнуть...

– Командировка? Но ты же говорила, что закончила работу, и надолго свободна.

– Не командировка. По своим делам.

– По своим? Опять какая-то авантюра? – он построжел. – Рена...

– Что такое?

– Куда ты собралась?

– По делам.

– Я слышал. Далеко?

– В другой мир.

– Рена... Хватит, а? Давай серьезно. Что в другой мир – это уже очевидно. В какой?

– Господи, ну... Ну, на Черную сторону.

Гайтер свел брови, и сердитая складка на лбу стала такой глубокой, словно это была не складка, а шрам.

– Рена, не выдумывай.

– Я уже Творец знает сколько лет Рена. И ничего я не вы-

думываю. Мне надо на Черную сторону, вот и все. И говорить не о чем.

– Прекрати. Ты же прекрасно знаешь, что я тебя не отпускаю.

А она в ответ весело улыбнулась. Улыбка, впрочем, была немного усталой. Подобные сцены случались между ними самое малое раз в год, и результат всегда был один и тот же. Что поделаешь с влюбленным мужчиной – он всегда произносит одни и те же слова, с одними и теми же интонациями. И всегда воображает, что только он один и прав. Молодая женщина лукаво наклонила голову, и лицо у нее стало такое хитрое и милое, что этому существу ни один мужчина не смог бы отказать.

– Не отпустишь, правда? А ты сможешь?.. Слушай, я так славно поработала, столько сил угрохала, семь контрактов заключила – что же я теперь, не могу поразвлечься? Самую чуточку.

– А я хотел куда-нибудь с тобой поехать.

– Господи, да я успею вернуться к твоему отпуску, десять раз успею! Ну, не нуди. Ты же не станешь сажать меня под замок.

– Рена, я прошу тебя, откажись от этой авантюры. Какой бы она ни была.

– Я уже шесть лет подряд слушаю от тебя одни и те же слова. И в прошлый раз даже уступила. Это честно. Год назад я сделала по-твоему, сегодня сделаю по-моему. Вот так!..

Слушай, не дуйся, тебе не идет. Эскапада не опасная. И я буду не одна. Просто надо кое-что узнать. Вот и все.

– Хорошо, куда? Я должен знать на всякий случай, а вдруг придется тебя выручать, а? куда?

– На Черную сторону. Куда точно, я не знаю, в какое-то из тамошних королевств. Дэвен знает.

– Дэвен? Этот бестолковый неудачник? Это ходячее недо-разумение? Нет, я тебя не отпущу.

– Гайтер!

– Рена, я сказал. Ты и сама прекрасно знаешь, какой у него коэффициент удачливости. Едва ли не хуже, чем у тебя. А уж ты-то неприятности просто притягиваешь.

– Я же не с ним собираюсь в поход, – солгала Реневера.

– А с кем?

– Ээ... С Мэнораном.

– Да? – Гайтер поджал губы, но возразить здесь было нечего. Мэнорана он знал – это был один из самых лучших воинов Дома Мортимер. – Что это Мэнорану понадобилось на Черной стороне?

– Клановая тайна.

– Мм...

– И потом, я ж тебя не спрашиваю. Просто встану и пойду. Хочешь – ссорься со мной.

– Э, нет, избави Бог! Ну ладно, ладно, – он зарылся лицом в ее волосы, коснулся губами шеи – длинной, белой и очень нежной.

Но жена с досадой вывернулась.

– Ой, ну тебя. Отпусти...

Реневера Мортимер была женщиной редкостной красоты, хотя это, в общем, неудивительно – бессмертные, да клановые в большинстве своем очень привлекательные люди. В жилах любого кланового течет великолепная, сильная кровь, которая наполняет его чувства жаром, а внешность – прелестью. От других своих родственниц Реневера отличалась роскошными, очень густыми и очень длинными – до пят – молочно-белыми волосами. Когда она плела одну косу, то у основания та лишь чуть-чуть не дотягивала до двадцати сантиметров в обхвате. Когда молодая женщина выходила в танце с тремя косами, каждая из которых и по длине, и по толщине могла заставить других женщин побелеть от зависти, она затмевала собой соседок – танцевать ей очень нравилось. На нее, танцующую, взрослые мужчины заглядывались, еще когда она была совсем пигалицей...

Выросла Реневера ладной, может, и не самой красивой в клане девушкой, но способной соперничать с большинством. С внешностью ей повезло. Но в остальном везение не всегда спешило улыбнуться ей.

Клан Мортимер велик, он насчитывает более четырехсот представителей – от бессмертного прародителя-патриарха до не менее бессмертных его младших потомков, отделенных от главы и основоположника Дома шестнадцатью, а когда и всеми двадцатью поколениями. Все Мортимеры обладали и сво-

ими общеклановыми особенностями, например, талантом к юриспруденции и бизнесу. Не у каждого этот дар развивался одинаково, но каждый способен был более или менее преуспеть либо в той, либо в другой области.

Как и все другие кланы, Мортимеры давным-давно заняли свою, предназначенную лишь для них нишу, где чувствовали себя комфортней всего. И не потому большая часть юристов вела свой род от главы Дома Мортимер, что те первыми успели организовать своеобразную «юридическую мафию», просто другие кланы с Мортимерами не могли тягаться в умении подцепить крючком нужную статью закона. То же и с бизнесом. Конечно, свои фирмы, фирмищи и фирмочки имели и представители других Домов, но у них дела шли чуть похуже, чем у Мортимеров.

Впрочем, отхватив чуть ли не самые прибыльные и престижные, самые сильные места в государственной иерархии – закон и торговлю – клан не спешил захватывать власть. Может быть, это происходило в силу общей мягкости характера (характером-то, как и внешностью, родичи схожи), а может, и в илу природной лени. Клан Мортимер не годился на роль правителя.

Юриспруденция далась Реневере хуже, чем бизнес, хотя она неплохо разбиралась в статьях кодекса и в границах быта могла обслужить себя юридически без помощи специалиста. Ее хлебом стал бизнес, причем не «пассивный» – через куплю-продажу ценных бумаг или стрижку дивидендов – а

«активный» – через обустройство собственного дела.

Во всем же, кроме бизнеса, молодая женщина считалась неудачницей. Если из-за угла на нее выскочит собака, то обязательно укусит, если Реневера спотыкалась, то обязательно падала. Если же шла на авантюру, то в половине случаев попадалась. Но до сей поры благополучно выворачивалась из неприятностей, и научилась верить, что так будет всегда. На свои неудачи она смотрела философски. В конце концов, не может же всегда везти. А помогать людям надо... Она не отдавала себе отчета в том, что наслаждается риском, как самым любимым блюдом, и просто уже не может без него.

Кроме того, повседневная жизнь молодой женщины складывалась как у всех, без особых удач или горестей. На каком-то этапе своей жизни Реневера вышла замуж за Гайтера из клана Таронт – род, с которым Мортимеры роднились чаще всего. Не то, чтоб она его любила, просто захотелось семейной жизни, да своего гнездышка, да ребенка... Гайтеру она родила сына, но, поскольку сын пошел в нее, и стал самым настоящим Мортимером, то получается, что ребенка она родила себе. Но муж-то ее любит крепко, все не устает говорить приятные, ласковые слова, тянуться, обнимать и целовать, не упускает возможности погладить по крепкому бедру... Грех жаловаться. Она его уважает, а может, большего для счастливой жизни и не надо?

Так что, если подвести итог – по сравнению со многими и многими Реневере повезло. Она свою удачу понимала, и в

чем-то даже тяготилась им. А потому ее постоянно тянуло всем помогать. Да, как родным, так и совсем незнакомым, чужим людям, хоть как-нибудь помогать, бросая на весы случая собственную свободу и жизнь. И в этой постоянной смене удач и неудач, в этой бешеной недоброй гонке только и ощущала она особенную сласть своей спокойной семейной жизни, где у нее есть свой дом, любимое дело, муж, сын... Разве в тягучем постоянстве все это не покажется пресным для такой беспокойной натуры, какой была Реневера?

Славная, веселая и свободная на ум и язык девушка – ее многие любили, отец души в ней не чаял. Расставшись с горячо любимой женой, матью Реневеры, он перенес всю полноту своего обожания на дочь. Вот уж кто заботился о ней по-настоящему, боялся за нее больше всех, скрупулезно подсчитывал все ее удачи и неудачи. Реневера тоже любила отца, но все-таки старалась держать его на расстоянии. Ей хотелось самостоятельности. В клане она считалась молодой – ведь у нее пока даже не было внуков!

Видеофон затрезвонил чуть позже, чем она ждала, и экран над клавишами остался таким же матовым, как и был – значит, что-то срочное. Некогда друг на друга любоваться. Реневера сняла трубку.

– Да?

– Привет, Рена.

– Дэвен? Ну? Что? – она покосилась в сторону коридора. Мужа не было видно, наверное, он в кухне и не услышит раз-

говора.

– Сегодня отправляемся.

– Ладно. Я подъеду... Мир-то, кстати, как называется? Тот, куда мы отправляемся?

– Забыла, что ли? Провал.

– Тоже мне, название...

– Я жду, – сказал Дэвен и повесил трубку.

Молодая женщина встала, вытянула из шкафа куртку и перевязь для оружия. Наклонилась поцеловать мужа в щеку, чмокнула. Поцелуй у нее получился безразличный – мыслями Реневера уже была в пути.

– Пока.

Гайтер смотрел на нее с сердитой грустью.

– А, может, все-таки поедешь? – но уже и сам видел, что спорить бессмысленно, а переспорить – немыслимо.

– Поеду.

– Береги себя.

– Господи, да что со мной может случиться? Ну, поберегу, поберегу.

Глава 1

Как пару лет назад обмолвился один шутник (сделал это в присутствии правителя, за что и отдал голову), родиться в Провале – все равно, что выпить залпом стакан спирта: и противно, и ничего уже не поделаешь, жди последствий. Порой, в минуты особенной тоски, Моргана была готова с ним согласиться. Она ненавидела мир, в котором родилась и выросла. Безнадежно депрессивное настроение настигало ее часто, и длилось бы непрерывно, если б она не старалась пореже попадаться на глаза посторонним людям, в первую очередь отцу. Ибо, хотя она была дочерью правителя, одной из младших, жизнь ей это не упрощало. Скорее, наоборот.

Одеваясь к торжественному ужину по случаю какой-то государственной годовщины, она боялась взглянуть на себя в зеркало. Платье ей не шло, поясок из фигурных золотых звеньев не сходиллся на талии... Говоря по совести, талии у Морганьы не было. Назвать ее дурнушкой означало почти ничего не сказать. Болезненная полнота уродовала ее, и ничего с ней нельзя было поделать – ни изнурительные упражнения, ни долгое голодание не помогали. Девушка была сдобрена лишним жиром, как ломоть сала, давно махнула рукой на свою внешность. И все бы ничего, но при дворе ей ни на миг не позволяли забыть о своей беде, преследовали насмешками, никогда не упускали случая уколоть, поиздеваться. Со вре-

менем она почти привыкла к подобному обращению со стороны любого, начиная с отца и заканчивая последним мальчишкой на посылках. Только украдкой лила слезы и пряталась в темных закоулках.

Даже комнатуха у нее была маленькая, слишком скромная и тесная для принцессы. У большого зеркала в пол теснился пуфик, на который Моргана помещалась лишь с трудом, узкая кровать без балдахина стояла у стены, рядом, под окном – столик, и всюду, где только можно – книги. Отец не одобрял увлечение дочери чтением, и она пряталась от него еще и поэтому. И теперь, одеваясь к ужину, больше всего хотела остаться в своей комнате.

– Моргана! – позвали снаружи. Знакомый голос.

Чья-то твердая рука тронула ручку, нажала, и в приоткрывшуюся дверь заглянул брат Морганы, Руин.

Он был на десять лет старше сестры, и обликом – полная ее противоположность. Статный, гибкий, подвижный, как пантера, он двигался бесшумно и стремительно, и был так красив, что у женщин, смотревших на него, перехватывало дыхание. А представители сильной половины человечества могли лишь завидовать его уверенности в себе и умению одеться. Даже в самой простой одежде он казался таким изящным, каким мужчина может быть лишь в самом хорошем, самом дорогом костюме. На впечатление совершенства, окружавшее его, словно облако, работали и манера одеваться, и умение держаться, и тысяча искусно подобранных

мелочей.

– Ты готова? – спросил он, входя в ее комнатку. Он был во всем черном, оживленном лишь несколькими серебряными украшениями. Длинные черные волосы убраны в самый обычных «хвост». На плечи наброшен плащ с отогнутым лепестками широким воротником – должно быть, принц зачем-то выходил во двор. Моргана никогда не завидовала красоте брата, которая ему, как мужчине, казалось, не так уж и нужна, но теперь его облик показался такой огромной разницей с ее собственным обликом, что девушка не выдержала. Ее глаза мгновенно налились слезами.

– Я... Не знаю, – глаза принцессы тут же покраснели, а губы – бесцветные и бесформенные – изогнулись в страдальческой гримасе. – Господи, Руин, ну как же я в таком виде... Я... Я не хочу показываться на людях. Я такая уродина... Это невозможно...

Раз проложив путь, поток слез никак не иссякал. Она рыдала, прижимаясь к груди брата, которого любила всей душой, потому что он всегда любил и защищал ее, стыдилась, что ведет себя так недостойно, но ничего не могла поделать. Все унижения, вся безнадежность ее положения, вся безрадостность существования вылились в слезах. Он гладил ее по волосам и шептал что-то успокаивающее.

– Тише, – сказал он, когда всхлипывания стали едва слышны. – Вот, возьми платок. Вытри глаза. Ты прекрасно знаешь, что не явиться на ужин не можешь. Не надо давать

отцу лишний повод для недовольства. Тем более, что он сам, скорее всего, останется в своих покоях.

– Правда? – Моргана подняла на брата чуть просиявшие глаза. Из-за неприглядности расплывшейся фигуры и одутловатого лица окружающие не обращали внимания на дивную прелесть ее взгляда, чарующую красоту глаз – двух хрустальных пригоршней Божьего чуда. – Почему ты так решил?

– У него новая игрушка. Может, слышала? Новая пленница.

– Да, что-то такое говорили. Какая-то девушка. Она из другого мира, правда?

– Именно, из другого мира. К тому же еще обладающая магией. И, говорят, красивая.

– Бедняжка, – пожалела принцесса неведомую пленницу. Собственные горести ненадолго отошли на второй план. Что, по большому счету, мог отец сделать с ней? Ну, посмеяться, поиздеваться, ну, обругать, ну, самое худшее, избить или выдать замуж. С пленницей и, кроме того, иномирянкой, можно делать что угодно. И держать ответ не перед кем. – Но, тогда, если отца не будет, моего отсутствия никто не заметит.

– Заметят, Моргана. Не спорь. Ты пойдешь.

Робкая и пугливая, девушка никогда не решилась бы нарушить приказ отца или брата. Но – по разным причинам. Отца она боялась, а брата – уважала и любила. Кроме того, в Провале не было принято, чтоб женщина спорила с мужчи-

ной. Принцесса со вздохом кивнула и еще разок с отвращением взглянула в зеркало. Брат повернул ее к себе, поправил складки, убрал поясok и надел ей на шею тонкую витую цепочку, которую отыскал в шкатулке на столе. Моргана не спорила. В глубине души она надеялась, что, может быть, усилия брата помогут ей стать хоть чуть-чуть привлекательнее.

Но подумала об этом лишь мельком, потому что сама не верила в успех. Гораздо больше ее настроение расцвело от того, что брат все же заглянул к ней.

– Я думала, ты даже к ужину не успеешь спуститься, – улыбаясь, сказала она. – Ведь ты только что прибыл.

– Только что, – подтвердил он. – Я не переодевался. Слуги еще не распаковали вещи. Но отец велел, кроме того, я не хотел оставлять тебя одну. Когда гости перепьются, они перестанут вести себя церемонно. Могут начать насмехаться.

– Ну, и как там, в Академии? – любопытствовала Моргана.

Руин равнодушно пожал плечами.

– Так же, как и в двух остальных. Если отцу так уж невозможно было видеть меня во дворце, он мог бы всякий раз отсылать меня в одну и ту же Академию, а не в разные.

– Скажешь, нет никакой разницы?

– Конечно, родная. Магию везде преподают одинаково. Даже если учебное заведение каждый раз называется по-другому.

– Но что же ты тогда три года делал там? – фыркнула она.

– Учился, – Руин ответил ей улыбкой. – Учиться магии можно вечно, – он прислушался. – Идем. Пора.

Девушка только вздохнула.

Дворец провальского властителя был так велик, что в его переходах, залах, анфиладах и лестницах, пересекающих друг друга, легко можно было заблудиться. Он представлял собой целый комплекс зданий, построенных в разное время, в разном стиле, разного размера и для совершенно разных нужд. Никто не заботился о том, чтоб привести все эти разномастные постройки к какому-нибудь единому знаменателю – лишь своевременно ремонтировали и то там, то здесь подкрашивали. Большая часть дворца была даже не отделана – голый, не скрытый деревянными панелями или гобеленами камень, грубо обтесанный, кое-где со следами кирки.

Жилые и парадные помещения выглядели более пристойно, но зато очень разномастно. Тронную, гостиные, каминные и бальные залы отделали еще во времена отца нынешнего правителя, Улла-Нэргино, любителя ярких до вульгарности цветов. Жилые помещения оформили в соответствии со вкусом Армана-Улла, отца Руина и Морганы, который предпочитал все дорогое, броское, но страдал недостатком вкуса. Правда, имелись еще картинные галереи и огромная трапезная. Здесь, будучи еще пятнадцатилетним, ненадолго захотев ощутить себя архитектором, потрудился Руин. Результат превзошел все ожидания. Правитель терпеть не мог своего

сына, но его работой гордился, не упускал возможности похвастаться перед гостями, как правило «забывая», кому он обязан этой красотой.

Стены двусветной залы были отделаны светло-серым мрамором, на его фоне белоснежные тонкие колонны казались легкими до воздушности. Их резные капители поддерживали ажурную галерею, проходившую по периметру трапезной на уровне следующего этажа. На черно-белом мозаичном полу переливались блики от сотни канделябров, укрепленных на колоннах и стенах, столы тянулись удлиненной подковой, а в высокие арочные окна были вставлены витражи, где кусочки стекла переливались всеми оттенками серого. Казалось бы, все очень скромно, но общее впечатление было потрясающим – глаз не оторвать.

Руин приложил руку не только к интерьеру трапезной, но и к отделке галерей, где правитель приказал развесить портреты своих предков и родственников, а также аляповатые нелепые творения придворных художников, и начертил проекты трех дворцовых лестниц. Потом увлечение сошло на нет, и, убедившись, что от сына больше ничего не дождешься, Арманн-Улл отправил его в Магическую Академию – с глаз долой.

Теперь, по одной из беломраморных лестниц принц и принцесса спустились в пиршественную залу, и, пройдя через причудливую арку, где камень блестел, как лакированный, оба оказались рядом с «верхним» столом, где обычно

и сидели представители правящей семьи, а также самые почетные гости. Когда Руин неторопливо подошел к своему месту (Моргана у него за спиной постаралась прошмыгнуть как можно незаметнее), почти все кресла уже были заняты. У правителя было двенадцать детей, жена, две любовницы и одна незамужняя сестра (последний из шестнадцати братьев Армана-Улла в бешеной гонке за власть над Провалом скоропостижно скончался два столетия назад, остальные – еще раньше).

Правитель сидел во главе стола, в самом глубоком кресле с высокой резной спинкой, больше похожем на трон. Он был невысок и щупл, с короткой клочковатой бородкой, торчавшей перед клинышком, и никогда не улыбающимися глазами, холодными и подозрительными. Привлекательностью сын Нэргино не отличался никогда, особой представительностью тоже, и, наверное, именно поэтому умудрился одержать победу над братьями. Хилого Армана они не признавали за достойного противника – и совершенно напрасно. Выждав удобный момент, он взялся за дело с беспримерной жестокостью и коварством, и трон достался именно ему.

И теперь этот человек, для которого не существовало никаких ценностей, кроме собственной жизни, власти и желаний, с подозрением смотрел на собственных детей. К дочерям Арман-Улл испытывал лишь презрение, как ко всем женщинам во вселенной, тихих и незаметных сыновей, вроде Уэффа, не замечал. Впрочем, Уэффа уже и в живых-то не

было – несчастный случай на охоте. Но яркий и умный красавец Руин с явными задатками лидера, который и прежде то и дело демонстрировал неповиновение, вызывал опасения, недоверие и, наконец, ненависть отца.

Но сейчас, может быть, в честь праздника, а может, предвкушая новое развлечение, правитель выглядел благодушным, довольным, и сперва не замечал нелюбимого сына и дурнушку-дочь. Моргана, старательно расправив платье, присела на краешек своего кресла. Она старалась не поднимать глаз, но чужие насмешливые взгляды – все равно, были таковые или нет – обжигали ее, как кипяток. Против воли принцесса, всегда хранящая в сердце память о своей уродливости, залилась краской, которая покрыла ее лицо неровными пятнами, похожими на вмятины от пальцев, и сделала лицо еще более одутловатым.

Руин, расположившийся в кресле с удивительной смесью церемонности и вольготности, на миг нагнулся к ней.

– Моргана, успокойся, – твердо, притом едва слышно шепнул он. – Держись наглее. Наплюй на окружающих.

– Я же...

– Твоя внешность – только твоя забота. Не их собачье дело.

Непривычная грубость его лексики на мгновение успокоили ее. Но вместе со спокойствием пришла досада. «Ему легко говорить, – с раздражением подумала девушка. – Он – красавец. Вон, как на него смотрят все эти дамы. Глаз не

отводят». Подумала – и тут же устыдилась. Точно в соответствии с идеалами строго-патриархального мира Провала, Моргана была робким и кротким существом. Ей не следовало так поступать и даже думать таким образом не следовало. Кроме того, она любила брата всей душой, и непривычная зависть вогнала ее в еще более густую краску. Жар пробил ее, слезы выступили на глазах.

Шурша длинной шелковой одеждой, к Руину подошел распорядитель торжества, он же – церемониймейстер, чопорный высокий старик, с поджатыми губами, рассеянным взглядом, устремленным в себя, и злыми чертами лица. Целью его жизни были лишь две вещи – старые обычаи и сплетни. Он старательно поклонился принцу – в его действии не было ничего, кроме удовольствия от выполнения своего долга. Руин бесстрастно смотрел на него и не думал отвечать... Впрочем, по тем же традициям он мог поступать и более высокомерно.

Старик холодно скривил губы. Голос у него остался ровным.

– Ваше высочество, где ваш брат? Ужин пора начинать.

– Наш брат Дэйн спустится через несколько минут, – ответил Руин, безотрывно глядя на что-то, видимое только ему одному. Может, пятнышко на мраморной стене? – Он задерживается не по своей вине.

Церемониймейстер поклонился, но в тот же момент правитель дал знак слугами, и на стол понесли блюда с яствами.

Ужин начался, в то время как один из принцев еще не сидел за столом – вопиющее нарушение традиций и проявление ужасающего неуважения к особе царствующего дома. По виду Армана-Улла можно было подумать, что он просто забыл о существовании своего младшего – четырнадцатилетнего – сына, он с удовольствием подворачивал манжеты над огромным блюдом с жареной бараниной.

– А что с Дэйном? Почему он медлит? – тихо спросила Моргана.

– Занят, – Руин улыбнулся. – Чистит от копоты свою курточку.

– Он опять что-то взорвал? И теперь прячется?

Дэйн обожал химические опыты, время от времени смешивал что-то такое, что смешивать нельзя, в результате происходил большой «бум», и приходилось ремонтировать его покои. Реактивы ему привозили из далеких миров, качественные, мощные.

Руин слегка качнул головой, нагнулся к сестре и шепнул:

– Он не придет, Моргана, но Уллу совершенно не нужно знать, почему.

Она испуганно улыбнулась брату, помолчала. Принц сдержанно улыбался и не торопился объяснять.

– Но почему же? – рискнула настаивать она. – Это просто выходка?

– Нет. Наш отец никогда не скрывает, когда собирается делать гадости родственникам. Правитель, похоже, что-то за-

думал в отношении него, а Дэйн решил посадить папу в га-лошу. Сказанное наедине все же не имеет той же силы, что произнесенное публично.

– Что-то серьезное?

– Не знаю. Но после проклятия, которое Улл два года назад наложил на Дэйна, хорошего ожидать не приходится.

– Я боюсь...

– Спокойно, Моргана. Все нормально.

Если и был кто-то, кого правитель ненавидел больше среднего сына, то это самый младший сын, Дэйн. Четырнадцатилетний подросток порой становился совершенно несносным, доводя до белого каления даже мать, но в юном безобразии не было зла. Все свои шалости он предпринимал от чистого сердца, уверенный, что окружающим от этого будет только лучше. Вот и химические опыты, держащие в страхе окружающих, должны были, по его мнению, в будущем принести людям несомненное счастье. Какое именно – он еще точно не знал.

Пожалуй, подумала Моргана, Дэйну и в самом деле лучше не попадаться папе на глаза с тех пор, как капли одного из его реактивов однажды ночью испортили в тронной зале паркет и ножки старинного трона. Тогда же юный принц, решив, что изъеденные ножки трона выглядят непредставительно, выкрасил их красной краской, а потом еще добавил желтенькие фосфорические завитки – для красоты. Когда Арман-Улл поутру увидел, во что превратился прадедовский

трон, он поскользнулся на паркете и грохнулся на пол. Самое худшее было в том, что правитель вошел в тронный зал не один, а со своими гостями.

Моргана не удивилась бы, если б после этого венценосный отец решил изгнать сына, или придумать что-нибудь похуже. В своем мире правитель был самовластен, мог сделать что угодно, в том числе и с собственными домочадцами. Здесь оставалось лишь надеяться, что он на какое-то время позабудет о существовании младшего сына, пока воспоминания о его выходке не сгладится из памяти.

На стол несли блюдо за блюдом. Больше всего правитель любил баранину и птицу, и этих блюд оказалось в изобилии. Гости и придворные оживились, но, помня о традициях, терпеливо ждали, пока Арманн-Улл выберет себе самые лакомые куски, пока оделят мясом принцев и принцесс. Птица была самая разная – от гигантских и весьма своеобразных стейков из страуса до мелких пичужек вроде колибри, запеченных в сметане. Должно быть, поварам пришлось изрядно попотеть, потроша птичек, размерами не слишком отличающихся от бабочек.

Руин с отвращением ковырялся в куске пирога с ломтями индюшатины. Рядом Моргана деликатно покалывала вилочкой печеную с виноградом перепелку. Маленькая птичка, помещающаяся на женской ладошке – единственное, что сестра съест за весь вечер, принц прекрасно это знал. Некрасивая дочь Армана-Улла изнуряла себя диетами достаточ-

но долго, чтоб понять — все эти ограничения абсолютно бессмысленны, но на решимости Морганы лишать себя еды здравый смысл не оказывал никакого влияния. Она не надеялась похудеть, но, угнетаемая укорами матери, досадой отца и презрением окружающих, продолжала соблюдать строгую диету.

Обычно принц жалел сестру, но иногда, в минуты дурного настроения, ее кротость и покорность начинали его раздражать. Он готов был защищать ее от насмешен, но иногда позволял себе подумать о том, как бы все было просто, имей она мужество ни на кого не обращать внимание. Что ей до мнения слуг? А до мнения отца? От Армана-Улла она могла дожидаться только одного признания ее значимости — немедленную выдачу замуж. А замуж Моргане нельзя. Ни в коем случае — Руин это помнил твердо, и не понимал, почему сестра отказывается понимать, что от ненавистного брака пока ее обороняет только внешность.

Но девушка, конечно, хотела быть красивой. И никакие доводы разума не трогали ее сердце. Обычно брат относился к ее слабости с пониманием.

Но сегодня его все раздражало. Раздражал этот безвкусный дворец, пышность об руку с унижениями и злобой, пропитывающими провальский двор. Раздражали глупые и жестокие придворные, раздражал отец, который по злобе и хитрости мог дать фору любому из своих подданных. Раздражали даже мать и сестра, даже он сам, неспособный в свои два-

дцать шесть лет вырваться из замкнутого круга собственной жизни. Жизнь в Провале давно поперек горла, и Руин, пожалуй, даже смог бы сделать отсюда ноги.

Но как оставить сестру, брата, мать с малышкой Сериной на руках? Если уж бежать, то всем вместе. Арманн-Улл не дурак. Он с первого дня брака знает, что жена его терпеть не может, мечтает избавиться от него. Ее охраняют почти с такой же пристальностью, как дворцовую сокровищницу. Кроме того, побег – это всегда рывок в никуда. А если на тебе обуза в виде двух беспомощных женщин, младенца и братца, за которым нужен глаз да глаз – как бы чего не учудил – то закончиться все может очень печально.

Значит, бежать надо без них. А это невозможно – сердце не допустит.

Очередное блюдо в руках слуги проплыло над его головой, и перед Руинном появились рябчики и куропатки в сливовом соусе. Принц небрежно шевельнул пальцами, и это движение было настолько царственным, что слуга, прежде чем убрать с глаз отвергнутое лакомство, низко поклонился. К Моргане он даже не повернул головы. Впрочем, она все еще мучила свою перепелку.

А за столом волнами перекатывалась светская болтовня. Балы, пиры, охоты, новая любовница графа такого-то, новая наложница графа такого-то, новая игрушка правителя... Что еще? За время учебы в Магической Академии Руин совершенно отвык от подобной ерунды. С непривычки она пока-

залась ему занятой, и принц прислушался.

И почти сразу речь зашла о женской красоте. Мужчины, не скрывая замаслившийся взгляд, умильно поглядывали на сидящих рядом дам, словно выбирали, и покачивали боками, которые наполняло красное вино... как известно, разговоры о женщинах следует вести именно под красное крепкое или игристое вино.

Представительницы прекрасной половины человечества вели себя по-разному – некоторые хихикали и строили глазки, некоторые незаметно прихорашивались, некоторые делали вид, что не слышат, о чем разговор, хотя на самом деле наострили ушки. Супруга правителя – Дебора из древнего Дома Диланэй – смотрела на окружающих почти оскорбленно. И дело было не в том, что она была скромна – если строго судить, то совсем наоборот – а в том, что считала себя очень светским человеком. В вопросе, что именно прилично или неприлично, она считала себя главным знатоком.

Но спорить не решалась. По виду Армана-Улла она поняла, что ему идея спора нравится. Улл был большим дамским угодником. Если б не его суровый, даже злобный нрав, Дебора с радостью устроила бы маленький скандалчик, и, может, правитель даже сделал бы вид, что не заметил ее поступка. Но сейчас надежды на это не осталось – властитель не в духе. Леди Диланэй боялась мужа до тошноты. Вызывать малейшее его недовольство было чревато неприятными, очень неприятными последствиями. В придачу к злобному нраву

Улл был еще и изобретателен.

Потому супруга правителя просто поджала губы и отвернулась.

А обсуждение женских прелестей шло полным ходом. Перебирались имена всех придворных дам, почти всех принцесс, даже супругу Армана-Улла упомянули, хоть это и было рискованно. Кто-то громогласный уже воспевал узкие бедра и высокую грудь последней любовницы правителя, а у кого-то дело шло к дуэли.

– Тихо! – крикнул один из лордов, молодой и шумливый Фарндо, вскакивая с места (вопиющее нарушение этикета, но правитель, поглощенный спором, не обратил на это внимания). Фарндо стал полновластным хозяином огромных владений, будучи всего двадцати четырех лет от роду, из всех сил радовался жизни, посещал все балы и пиры, симпатизировал Руину, считал его верхом изящества и старался во всем ему подражать. – Уж если кто и может судить о женской красоте, так это его высочество.

– Руин, скажи! – крикнул еще один юный шалун благородных кровей. Видно, он выпил сверх меры, раз счел возможным обращаться к принцу на «ты» и по имени.

Арман-Улл нахмурился.

Большинство дам переглянулось с кислым видом. Принц, конечно же, назовет свою матушку красивейшей дамой провальского двора. Кого же еще? Если говорить откровенно, Дебора Диланэй была прелестной женщиной. Небольшо-

го роста, фигуристая, с пышными формами и роскошными темно-каштановыми локонами, она обладала поистине очаровательным, по-детски трогательным овалом лица, огромными синими глазами, маленькими изящными ручками и ножками – и на редкость стервозным характером. Некоторые – самые снисходительные – полагали, что она стала такой из-за вынужденного супружества с человеком, которого терпеть не могла. Арман-Улл ведь никогда не скандалил с женой – он ее просто бил, так что, досаждая нелюбимому мужу, Дебора могла прибегать лишь к мелким пакостям, и то нечасто.

В оковах безнадежно-тоскливой жизни, в тисках насилия характер, конечно, не улучшается. Только никто в Провале супругу правителя не жалел. И не любил.

Кроме ее детей.

И уж этого триумфа у Деборы никто не смог бы отнять. Руина знали, как человека с безупречным вкусом. То, что он назовет красивым, прослывет таковым надолго. Сам того не желая, предпоследний сын провальского властителя стал законодателем моды. Леди Диланэй, позабыв, что спор о женской красоте неприличен, слегка приосанилась.

А душу Руина донимали противоречивые чувства. С одной стороны, эта толпа жадных, похотливых придворных, которые и на этот раз надеются поразвлечься за чужой счет, вызвала его омерзение. Хотелось встать и отхлестать их словами по наеденным жирным щекам. А начать с отца. Одновременно принц чувствовал, как растет в глубине сердца раз-

дражение против матери, которая никак не может научиться быть последовательной, на сестру, из взгляда которой никогда не уходит испуг. Моргана могла бы быть подтверже.

Он и сам в эту минуту не понимал, что хочет невозможного. Откуда ей, выросшей в атмосфере непрерывного давления, научиться гордости и силе? Руин не был вспыльчив, но если уж в нем зарождалась злоба, то она становилась всеобъемлющей. Может, оттого он и принял вызов, и встал, готовый отвечать, хотя в любом другом случае просто не обратил бы внимания.

Принц чувствовал на себе внимательные, рассеянные или хмельные взгляды. В нем гуляла будоражащая кровь удадь.

– Что ж. Хотите мое мнение? Извольте. Я считаю, что самая прекрасная женщина в Провале – это моя сестра. Моргана.

На миг в трапезную с поднебесных высот обрушилось безмолвие. Абсолютная тишина – было слышно, как жужжит, стучась о стекло, большая муха. Моргана, решив, что ослышалась, подняла на брата недоумевающий взгляд.

– Хе, – вырвалось у правителя. Он нагнулся чуть вперед. – Я не ошибся? Ты назвал свою сестру?

– Да. Моргану.

Арман-Улл вздернул голову, медленно, словно марионетка в руках кукловода, завалился назад, на спинку трона, и расхохотался. Его смех стал чем-то вроде скрепы, сорванной с фундамента тишины. Грохнули все разом. Мужчины,

не стесняясь дам, разевали рты, размахивали руками и хлопали себя по коленям, дамы, забыв об этикете, заливались чуть ли не жеребьячьим гоготом, и даже супруга правителя, мать злосчастной дурнушки-принцессы, рассмеялась, снисходительно посмотрев на залившуюся нервными алыми пятнами дочь.

Моргана стало жарко. Она схватила ртом воздух, поводя взглядом по лицам окружающих, ища хоть в ком-нибудь снисходительность или понимание, пусть даже жалость, но видела только рожи, которые хохот делал еще омерзительнее. Все они смеялись над ней, не стесняясь, тыкали пальцами, и от ужаса и стыда девушка даже не могла заплакать.

– Что-то у тебя со вкусом не то, Руин, – едва переводя дыхание, бросил один из его сводных братьев, окатив Моргану таким взглядом, что та не удержалась – спрятала лицо в ладонях. – Явно.

– У меня со вкусом все нормально, – холодно ответил принц, оправляя прядь черных, как вороново крыло, густых волос. – Я вижу в своей сестре такую красоту, какой вы не можете себе представить. Ваше неумение видеть – ваша беда.

– Неумение видеть? – уже успевший изрядно выпить Оулер, любимый сын Армана-Улла, другой сводный брат Руина, чуть постарше его, прыснул в ладонь. У него был взгляд мужчины, привыкшего оценивать женщину сугубо функционально. – Да на эту коровищу и смотреть-то противно. Од-

но хорошо – корма, есть куда пнуть. Если морду завесить.

А смех накатывался волнами, и, в конце концов, несчастная принцесса не выдержала – она забыла и о церемониале, и о традициях – вскочила, не дождавшись разрешения отца-властителя, опрокинула свое кресло и затравленно взглянула на брата, так жестоко насмеявшегося над ней. Во взгляде ее ясных, чудесных глаз не было ненависти, как, впрочем, никогда не бывало, только жалоба, похожая на недоумение щенка, который не понимает, за что его побили. Моргана рванулась из-за стола, споткнулась о кресло и упала – хохот стал еще гуще – вскочила и, преследуемая чужим злым весельем, бросилась из трапезной.

Она спотыкалась на ступенях – ужас, а следом и горечь обиды подгоняли ее. Куда? Она и сама не знала. Ее душила тоска, и оттого, словно земля под жарким солнцем, высыхали глаза. Слезы были, и сколько угодно, но где-то в глубине, от напора не вылившегося горя перехватывало горло, и, чтоб не задохнуться, Моргана остановилась на площадке одной из лестниц дворца. Какой – она не поняла, не заметила. Тупо глядя перед собой, девушка ненароком забрела в ту часть дворца, где никто не жил. Здесь не было панелей на каменных стенах, полы не покрывал ни паркет, ни ковры, не осталось почти никакой мебели, а под потолком – старые, неухоженные люстры под пятьдесят свечей каждая. Зябко и сыро, но зато тихо, потому что в этом крыле дворца никто не жил и почти никто не ходил.

Обнимая себя руками, принцесса прислонилась к стене рядом со сводчатым окном, забранном узорной решеткой переплета с мутными стеклянными квадратиками. Ее трясло. И, пожалуй, не столько от обиды. К обидам и грубостям, вроде тех, которые прилюдно были брошены ее сводным братом Оулером, она почти привыкла, если к подобному вообще можно привыкнуть. Моргану трясло потому, что обиду ей, по сути, нанес самый любимый человек на свете – брат Руин. Ведь это он выставил ее на посмешище, обратил на нее внимание окружающих. Принцесса не ждала от него подвоха и не представляла, что когда-нибудь наступит недобрый день, и она в нем усомнится.

Девушка давилась сухими, беззвучными рыданиями. Ей казалось, что рушится весь ее мир, так кропотливо созданный и поддерживаемый мир относительного покоя и равновесия.

– Моргана, – позвал ее знакомый голос. Шагов она не слышала, но не ощутила ни испуга, ни удивления – Руин ходил легко и потому беззвучно. – Моргана, вот ты где! – он подошел. – Ты здесь замерзнешь.

У него был такой мягкий, ласковый голос, что беднягу обдало жаром. Что это? Еще одна жестокая насмешка после первой? Одновременно ее охватило чувство непонятной вины и страх – что больше она не услышит от него такого тона.

– Ну и что? – едва слышно прошептала она.

– Как «ну и что»? Идем в мои покои, к камину. Посидишь

у огня, согреешься.

— Твои слова меня уже очень хорошо согрели, — с горечью и неожиданной смелостью ответила она, едва собравшись с духом упрекнуть его. В следующий миг девушка почувствовала его ладони на своей плечах. Прикосновение обжигало даже сквозь одежду.

— Ты обиделась на меня?

— От тебя... — ее голос дрогнул, хотя Моргана старалась говорить равнодушно. — От тебя я такого не ожидала. Не ожидала, что ты выставишь меня душой.

— Так. При чем тут дура?

— Ну, посмешище, какая разница? Я тебе верила.

— А теперь нет? И лишь потому, что я сказал то, что думал?

— За что?

— Что — «за что»?

Она молча посмотрела ему в глаза — Руин был спокоен, хоть и немного хмур. И еще — в принце чувствовалась легкая нервозность. Раздражение.

— Я сказал то, что думал, — повторил он.

— Тебе отказывает твой безупречный вкус, братец!

— Прекрати, — с холодком отозвался он. — Я уже ответил на подобное замечание там, в зале.

Моргана отшатнулась и прижалась спиной к стене. Камень был ноздреватый, грубо обтесанный, он хранил в себе холод, взятый из самого сердца гор. Кто-то когда-то проца-

рапал на них значки – Бог знает, сколько лет этим значкам. Или, может, тысячелетий?

– Что?.. Что красивого ты во мне нашел? Что?! – вполголоса закричала она. – Грудю жира, патлы, которые ни в одну прическу не уложить?

Ее пробило рыдание, похожее на истерический смех. Да это и была истерика, слезы наконец вырвались на волю и заструились по одутловатым, мятым щекам, покрытым темно-алыми пятнами. Плакать оказалось сущим облегчением, тем более, что, несмотря на сегодняшнюю выходку брата, он все равно оставался самым дорогим. Она рыдала, почти не закрывая глаз, и смотрела на Руина, а он так хорошо, так ласково смотрел на нее...

Он коснулся ее щеки с нежностью человека, умеющего по-настоящему любить. Брат понимал ее без слов – с одного взгляда – и каким-то образом он действительно мог видеть ее мысли и чувства. Сейчас он вполне способен был оценить, насколько ей плохо, и его поразило, насколько больно стало ему самому.

– Моргана, – ласково позвал он. – Моргана... Посмотри мне в глаза.

Поток слез иссяк так же неожиданно и быстро, как нахлынул – принцесса слишком много в своей жизни плакала. Она вытерла глаза платочком, вытасненным из-за пояса, и послушно посмотрела на брата.

– Послушай меня. Тебе не надо так на это реагировать. Ты

ведешь себя так, словно твоя внешность – твоя вина.

– Но Руин, кто же...

– Не перебивай меня, – властно сказал он, и девушка немедленно замолчала. – Пойми, что твоя внешность – всего лишь болезнь. Так что в недостатках своей внешности ты не виновата.

– Эта болезнь – уродлива! – вспыхнула она – и тут поняла, что именно сказал брат. Растерянно посмотрела на него. – Болезнь?

– Болезнь.

– Но любую болезнь можно вылечить, разве нет?

– Можно, – нехотя ответил он.

– И мою тоже?

Надежда опалила ее изнутри, как нутро опалает крепкая выпивка, счастье волной поднялась в душе, хотя Моргана едва ли поверила в такую волшебную возможность сразу. На ее глазах вновь всплеснули слезы, и Руин почти с испугом отвел глаза. Он уже жалел, что сказал.

Но, раз начав, следовало идти до конца. Солгать под взглядом сестры принц бы не смог.

– Да, можно.

– А... Ты – можешь?

– Я не уверен. Пожалуй, нет.

Она вцепилась в его локоть.

– Но, значит, ты хотя бы представляешь себе, что нужно делать... А кто-нибудь может это сделать?

– Я таких не знаю.

Он скинул с плеч свой плащ и набросил на сестру, закутал. Одежда еще хранила тепло его тела. На мгновение оказавшись в кольце его рук, Моргана вздрогнула всем телом, потому что лишь теперь ощутила, насколько замерзла. После плача всегда холодно, особенно если находишься в полузаброшенном и неприятном крыле старого дворца. Может быть, Руин просто угадал, или в самом деле почувствовал, как она продрогла.

– Пойдем, – мягко произнес он. – Здесь холодно.

– Постой... Но ты... попробуешь?

– Давай об этом потом.

– Скажи мне, – молила она, дрожа – но не столько от холода, сколько от возбуждения. Ее поманила из призрачной дали самая заветная мечта, и на мгновение девушка поверила – представила себе, что это возможно. Минута была поистине сладостна. – Скажи, ты попытаешься? Ты попробуешь? Может, получится, а, Руин?... Ты же все можешь...

– Я не все могу, – отрезал принц, сердясь сам на себя, и потому неосознанно перенося раздражение на сестру. – Далеко не все. Давай поговорим об этом позже.

– Но поговорим же? Правда?

– Да. Потом, – он отвел взгляд. Не было сил смотреть в ее прекрасные глаза, сияющие любовью и тоской.

– Спасибо.

Она с надеждой смотрела на него снизу вверх.

Руин дождался, пока сестра уснет на его широкой кровати с причудливым пологом из прозрачной черной кисеи, собранной треугольными складками на дугообразных опорах. Измученная слезами Моргана заснула, как ребенок – сжимая в ладонях его пальцы. Хватка принцессы ослабела лишь тогда, когда она заснула, и тогда принц осторожно отнял руку и вышел из покоев, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Его терзала жалость к сестре и досада на себя. Краем сознания он прекрасно понимал, что за сорняк посадил в ее душе. Теперь Моргана, сходящая с ума из-за своей внешности, уже не забудет о том, что он сказал. Ни за что не забудет. И долго лгать ей Руин не сможет. Рано или поздно девушка поймет, что брат при должных усилиях способен излечить ее.

Но он очень сомневался, что красота принесет принцессе счастье. Провал был жестоким миром, знатная женщина, если она не была глупой клушей, готовой наслаждаться богатством нарядов, сплетнями и знаками высокого положения, а заодно мириться с прихотями мужа, вряд ли могла быть здесь счастлива. Мир провала был миром мужчин, женщине не оставалось почти никакой свободы. Традиции и законы делали ее лишь частью мужской жизни, одной из множества.

Арман-Уллу не так легко будет выдать замуж Моргану в том облике, в котором она сейчас находится. Девушка слишком знатна, чтоб сплавить ее кому-нибудь, готовому

ради приданого связать себя браком хоть с крокодилицей. И слишком некрасива, чтоб властитель целого мира пожелал видеть ее рядом с собой на троне. Тем более, что особой необходимости побыстрее пристраивать дочку не было – жены Армана-Улла (их у него сменилось три, считая ныне здравствующую) подарили ему несколько вполне привлекательных дочерей.

Значит, младшая провальская принцесса, оставаясь некрасивой, еще долго пребудет во власти отца, которому до нее нет никакого дела. Власть правителя не слишком обременяет Моргану, которая не склонна ни к веселому, легкомысленному поведению, ни к скандалам, могущим вызвать недовольство строгого батюшки. Говоря проще, она может проводить время так, как считает нужным. Если б Моргана смогла понять, что ее внешность – это ее дело, а чужие насмешки, как собачий брех, ничего не значат, если на них наплевать... Если б она не была так слаба духом...

Руин прошелся по пустому коридору, где лишь у одной из дверей дремал челядинец, и то не слуга, а охранник, и только тут вспомнил, куда именно шел и зачем.

Он осторожно обошел охранника, поднял засов на двери, у которой тот дремал, и вошел. Впрочем, такие предосторожности были совсем необязательны – все-таки принц находился у себя дома, и, как представитель правящей семьи, имел доступ в том числе и в охраняемые покои, которые Дэйн некогда остроумно поименовал «камерами для го-

стей». Просто Руин не хотел шума.

Он вошел в покои – это была большая с высоким потолком, уставленная дорогой роскошной мебелью – в частности, с широченной кроватью под пышным балдахином – и даже с камином. Единственное, что отвлекало от уюта и роскоши: решетки на окнах (впрочем, закрытых портьерами) и железные прутья в каминном дымоходе (которую, впрочем, мог бы разглядеть лишь тот, кто заглянул бы под свод тяги). На столике, придвинутом к кровати, стоял скромный ужин. Видимо, нетронутый.

На кровати – на самом краешке – сидела девушка и причесывалась. Она обернулась, откинула за спину длинную прядь, и в лицо Руина плеснула ясная синева ее взгляда. Ни следа страха или тоски запертого в клетке существа – только испытующее, уверенное любопытство – его поразило присутствие ее духа. Принца смерили таким взглядом, словно это он находился в плену и сидел в «камере для гостей». Невольно Руин подумал, что его сестра Моргана в сходной ситуации забилась бы в угол и дрожала, а старшая полнокровная сестра, злая красавица Магиана, наверное, тут же попыталась бы продемонстрировать всю свою женскую привлекательность.

– Привет, – просто сказал он.

– Привет, – ответила девушка. На том же языке, хоть и не сразу, и с явным акцентом. Принц наугад использовал так называемое «зеркальное наречие», упрощенная версия ко-

торого в Провале и всех окрестных мирах считалась всеобщим языком. Классическое «зеркальное наречие» использовали для написания магических книг и официальных документов, и то не всех – лишь самых важных, регулирующих отношения между мирами, или между лордами и властителями. Примитивную его версию увлеченно трепали торговцы.

– Ты кто? – поинтересовалась пленница и провела по волосам изящным гребнем. Недовольно покосилась на вещицу – видимо, та была ей неудобна.

С первого взгляда принцу бросилась в глаза ее необычность. Женщины Провала и окрестных миров так себя не вели. Девушка держалась уверенно, спокойно и с таким достоинством, что ее волей-неволей приходилось уважать. Гордая посадка головы и прямая спина, манера держаться – и не скажешь ведь, что царственная, нет, очень простая, непринужденная, со зримым ощущением собственной значимости – она показалась Руину поразительно красивой. Ошеломляли ее волосы – пышные, совершенно белые, с легким платиновым оттенком, они лежали на покрывале пушистым ворохом, часть прядей, соскользнув с кровати, касалась пола.

Короткие локоны челочки обрамляли правильное лицо с глазами яркими, как небесный свод, по которому несутся бледные перышки облаков, со строгим носиком, с тонкими губами, будто очерченными пером. «Совершенство» – подумал Руин.

– Я – сын местного властителя, – небрежно сказал он.

– А, монаршья особа, – улыбнулась пленница. Без издевки или пренебрежения, но так легко, как на памяти принца еще никому не удавалось. Впервые титул показался ему совершенно незначимой вещью.

– Да. В определенной степени, – сострил он (странно, откуда в нем эта скованность?). – Как тебя зовут?

– Реневера, – представилась она. – Реневера Мортимер. Можно Райнивер.

– Красивое имя, – медленно произнес Руин, присаживаясь на край кровати, в стороне от рассыпанных белокурых локонов.

– Нравится? – она сверкнула глазами.

И принц понял, что его отец эту девушку не получит. Прелестница, наверное, просто не понимает, в каком опасном положении оказалась. По воле властителя живой она отсюда не выйдет. В самом лучшем случае, насытившись девушкой, Арман-Улл подарит ее кому-нибудь из своей свиты. Нет. Даже если придется испытать на себе гнев отца – кстати, неплохого мага – Руин все же решил выручить пленницу.

Она стояла усилий.

– Да, – ответил он.

Ответ получился неоднозначный, но Реневера почти не смутилась. Правда, и игру, похоже, не собиралась продолжать – взгляд девушки стал прохладным, отстраняющим, с намеком, что, мол, шутки неуместны.

– Это ты вместе с каким-то молодым человеком проникла во дворец?

– Сидела бы я тут иначе.

– А зачем вам это понадобилось, можно спросить? Ведь не в сокровищницу же вы лезли.

– Не в сокровищницу. Наше появление здесь – случайность.

– Странная случайность. Можно узнать, чем она обусловлена?

– Нельзя, – ответ мог бы показаться грубым, но прозвучал нейтрально, и Руин отдал должное ее дипломатичности.

– Жаль. А то мне стало очень интересно, с какой же такой практической целью можно пойти на подобную авантюру, – он старался тоном смягчать то, что говорил.

– Почему ты считаешь, что цель была практической?

Руин поднял бровь.

– Что же за непрактичная цель? Не ответишь? Ну, ты разжигаешь мое любопытство.

– Это допрос? – спокойно спросила Реневера.

Принц слегка помрачнел.

– Нет, конечно. Я – не мой отец. Прости, если сказанное мной прозвучало... Меня, честно говоря, привело сюда чистое любопытство. Никогда еще не видел девушки, решающейся на подобные эскапады, да в чужом мире, да в самом охраняемом дворце этого мира... – он бросил мимолетный взгляд на ее запястья. Их охватывали широкие браслеты ма-

гических блоков, вернее, блоков на магию – так они выглядели визуально. – Кроме того, девушку, владеющую магией, тоже вижу впервые в жизни. Девушку отменно мужественную и такую безрассудную.

– Таковы уж мы, Мортимеры, – улыбнулась она.

– Мортимеры? Кто это?

– Это клан, к которому я принадлежу.

– Клан?

– Ты не знаешь, что такое клан?

– Знаю... Огромные семейства у диких кочевников.

Реневера залилась смехом.

– Не только у диких кочевников. Еще и у вполне цивилизованных центритов. Но в остальном ты прав. Клан – большая семья, где каждый держится друг за друга и друг другу помогает. Огромный род.

– И сколько в вашем... клане человек?

– Чуть больше четырехсот.

– Сколько?! Как вы все не передеретесь?

– Я же говорю – семья. Большая семья. Мы друг друга любим.

– Хм, – Руин смотрел на Реневеру напряженно и испытующе. – Твой клан правит этим самым Центром? Это мир?

– Не совсем так. Это, конечно, мир. На самом деле он называется Асгердан, «Центр» – вроде как прозвище, для простоты. Но наш клан им не правит. У нас есть свои владения как в этом мире, так и в других. Асгердан – что-то вроде

грандиозной столицы большой Системы Миров, где правит Совет Патриархов.

– Патриархов? А, так у вас называются главы кланов.

– Вспомнил?

– Нет. Угадал.

– Догадливый.

– Расскажи еще о своем родном мире.

– Он расположен на Белой стороне, – она заметила удивленный взгляд собеседника и уточнила. – Ты что же, не знаешь, что такое Белая сторона?

– Нет, я, конечно, знаю, что миры во вселенной делятся по черному и белому типу, просто не думал, что девушка с Белой стороны решится... Это же так далеко. Слишком опасно. Ты рассчитывала на свою магию? Но говорят, что ваша магия построена по совершенно иному принципу, чем наша.

– Не совсем так.

– А как?

– Долго рассказывать.

– Кроме того... Говорят, на Белой стороне все иначе. Какой тебе был интерес заглядывать к нам, на Черную? Искала приключений?

– Ну, сказать, что у нас все совсем иначе, нельзя. Да, у нас больше техники, более упорядоченная магическая система.

– Какую технику ты имеешь в виду?

– Автомобили, компьютеры, магнитофоны.

– Что это такое?

Реневера улыбнулась.

– Технические приспособления. Насколько я знаю, у вас, на Черной Стороне, водятся гремлины, верно? Я тут видела парочку. Так вот, техника – как раз то, что гремлины обожают пожирать. У меня был с собой мобильный телефон. Один из местных мордovorотов отнял, стал вертеть – так какой-то греmlin из-под стола как дикий зверь кинулся, выхватил, в миг сожрал...

– Да, они это любят, – усмехнулся Руин. – Им нечасто перепадает. Из техники они, по-моему, только лампочки не едят.

– У вас здесь есть лампочки?

– Есть. Но только в парадных залах, бальных и жилых покоях. И то не во всех. Вокруг генератора я лично ставил защиту от гремлинов. Отцовские маги не смогли с ними справиться.

– Да, существа пронырливые.

– Но зато отличные слуги. Как вы без них обходитесь...

– Слава Творцу, у нас гремлинов нет. Не водятся. В качестве слуг мы используем демонов. Тоже удобно. Подпитываешь магией, не нужно кормить мобильными телефонами.

Руин и Реневера посмеялись. Она – довольно напряженно. Он лихорадочно продумывал план спасения девушки, а она – пыталась догадаться, чего можно ожидать от этого молодого человека. Провальский принц в первые минуты ухитрился расположить ее к себе, хотя сейчас ей меньше всего

хотелось кому-то излишне доверяться. Гордость и надежда на то, что она так или иначе вывернется, поддерживали присутствие духа пленницы, но в глубине души она мечтала о том, чтоб кинуться на кровать, зарыться головой в подушки и сделать вид, что ее тут нет. Властитель уже приходил смотреть на нее, его внешность вызвала у Реневеры отвращение. Щуплый, жилистый, горбится... а эта омерзительная жиденькая бородка, маленькие глазки, в которых вспыхивают желтые искры... Кажется, коснешься его – и по телу пойдут мурашки. Не надо обладать особой проницательностью, чтоб понять – он более, чем опасен.

У девушки дрогнули губы. Если отпустить пружину поддержки, то начнется истерика, и ее будет уже не остановить. Значит, чего бы это ни стоило, надо держать себя в руках.

– Что с Дэвеном? – спросила она.

Руин свел брови.

– Это кто? Твой спутник?

– Ну, естественно.

– Ты не знаешь? Тебе не сказали?

– О чем?

– Он умер.

– Отчего? – вскрикнула Реневера.

– Можно считать, что от ран. От последствий магического воздействия, если по-ученому.

Девушка спрятала лицо в ладонях. Весь ее облик говорил о таком отчаянии, что у молодого человека сжалось сердце.

Помедлив, он коснулся ее плеча.

– Ты очень любила его?

– Ну, конечно же! – вспыхнула она, на мгновение опуская руки. Ни единой слезинки – только покрасневшие глаза. – Ведь он – мой родственник!

– Родственник?

– Да. Пятиюродный прадед.

Руин слегка опешил.

– Да уж... Степень родства.

– При чем тут степень родства?! Да хоть десятиюродный!

Мы с ним в одном клане, значит, считай, брат и сестра!

Во взгляде принца вспыхнул странных огоньков. Он сжал ее руку.

– Послушай, пока надо думать о том, как тебе спастись.

Потом будешь горевать о гибели родственника. Держись.

Со сказанным трудно было не согласиться. Реневера сделала над собой усилие.

– А что, у меня есть шанс?

– Шанс есть всегда... Во имя Вселенной, зачем же вы вообще сюда полезли? Ведь это не игрушки. По нашим законам властитель, застукав вас в своем замке, может сделать с вами все, что угодно.

В лице девушки что-то изменилось.

– Случайно, – сказала она. – Нас занесло. Ошибка в заклипании перемещения.

У Руина внутри что-то напряглось. Он не понимал, по-

чему ему показалось, будто собеседница немного кривит душой. Но об этом не хотелось думать, и принц задвинул неподходящие мысли поглубже, решив, что это, в конце концов, не его дело. Даже если двое путешественников с Белой стороны хотели пошарить в сокровищнице, это ничего не значит. Он – не казначей, не обязан стоять на страже отцовских денег. Кроме того, долг мужчины – верить красивой девушке даже тогда, когда она сама себе не верит. Чары красавицы с Белой стороны ошеломляли молодого человека, и он понимал – неважно, почему эти искатели приключений оказались в Провале, важно, что он смог встретиться с Реневерой.

Теперь он взглянул на нее, как не смотрел еще ни на одну женщину. Да и не на кого ему было так смотреть. Все провальские женщины, которые прежде встречались ему, были на его вкус чересчур обычными. Кроме того, все они были напрочь лишены собственного достоинства, и неважно, в чем это выражалось – в неоправданной боязни слово сказать или глаза поднять от пола, или, наоборот, в запредельной вольности поведения, даже развратности. И то, и другое вызывало у принца отторжение. Руин потянулся, убрал с лица Реневеры белокурые пряди, провел по щеке, нежной, как лепесток розы.

Девушка смотрела на мужчину растерянно и очарованно. Глаза мужчины показались ей черными, будто окна в ночь, но теплую, ласковую, расцвеченную звездами и плещущи-

ми волнами улыбки. Уютные бездны, в которые хотелось погрузиться навсегда, словно в объятия отца. Золотистые искры, казавшиеся ей осколками ласкового смеха, завораживали, как течение реки в солнечной ряби. Она подставила ему щеку и поразилась, насколько нежно его прикосновение. Реневера и сама не заметила, как оказалась в кольце рук Руина, а он не заметил, когда в первый раз провел рукой по ее груди и бедру. Ощущение упругой теплой кожи под ладонью отдалось жаром, и принц на миг прикрыл глаза. Ощущение было поистине сладостным.

Он и не заметил, как коснулся губами губ, и ее аромат обдал его чуткие ноздри таким предощущением радости, что он почти потерял голову. Отступать уже не хотелось, да и невозможно, и молодой человек обхватил гибкое тело девушки руками и прижал к себе. Она не сопротивлялась, и даже отторжения или равнодушия в ней не чувствовалось. Это было совсем иначе, чем с провальскими женщинами. Инстинктивно Руин почувствовал, что податливость Реневеры не имеет никакого отношения к легкомыслию. Она поступала естественно, делала лишь то, что в данный момент считала самым правильным, ощущение естественности происходящего успокоил ее так же, как его опьянил аромат ее женственности.

А часом позже они лежали рядом на взбитой постели, он гладил ее плечо и, немного смущенный, понимал, что говорить о только что произошедшем будет нетактично. Реневе-

ра отдыхала, прикрыв глаза, и ее полудетское личико казалось изысканным украшением, вырезанным из кости мастером-ювелиром. Завитки волос на белой коже едва выделялись, и он подумал о том, как ей пошел бы провальский женский головной убор – расшитая золотом темная лента и черная вуаль на волосах.

– Ты хочешь пить? – спросил принц неожиданно.

– Хочу, – сказала она. – И есть тоже.

– Что ж, ужин сюда я могу приказать, – рассмеялся Руин и постучал пальцем по деревянной основе ложа.

Из-под кровати высунулась пушистая шевелюра гремли-на. Он потянул носом и уставился на принца глазками – пуговками.

Росту в гремiline едва набралось бы на фут (самые крупные особи достигали роста полутора футов), меховые ручки и ножки, чуть вытянутая мордочка, немного похожая на человеческую, и потешное выражение глаз. Несмотря на свой малый рост, гремлины обладали удивительной силой и сноровкой в обращении с вещами, много тяжелее и больше собственных размеров – со шваброй, подносом, сундуком.

– Ужин, – приказал Руин.

– Мигом, хозяин, – пискнул тот и пропал.

– Он пошел не через дверь? – с интересом спросила Реневера.

– Нет. У них какие-то свои ходы. Лазы, – он помолчал, украдкой любуясь бликами свечного огня, дрожащими на

матовой коже, на плавных изгибах и впадинках совершенно-го женского тела. Потом вздохнул и накинул на нее снятое платье. – Ты прекрасна. Но когда я смотрю на тебя, я перестаю думать.

Она открыла глаза.

– Тебе о чем сейчас надо думать? – наполовину в шутку, но, в общем, лениво спросила она.

– Надо думать о том, как вытащить тебя отсюда.

Он воспринимал ее теперь, как свою девушку, за которую в ответе, которую обязан вытащить из любой беды. Провальские женщины традиционно должны были оставаться безынициативными и пассивными, словно и в самом деле представляли собой лишь одну из сторон достояния мужчины. Это давало сильной половине уйму прав – но налагало и немало обязанностей. Руин осознавал, что лежащая рядом с ним женщина не является и не может являться «достоянием», но привычно собирался брать на себя ответственность за нее – как и положено.

Реневера приподняла бровь и покосилась на него. В ее глазах был вопрос.

– Разве ты не можешь просто отпустить меня?

– Если б все упиралось только в необходимость отдать приказ стражнику открыть перед тобой двери, думать и в самом деле было бы не о чем. Только охрана моего приказа не выполнит. В этом мире правит мой отец, и не позволяет никому вмешиваться в свои дела. В общем-то это, пожалуй,

правильно. Власть и не должна терпеть наносимый ей ущерб. Но когда сам носитель власти неправилен... если можно так выразиться. Думаю, ты меня поняла.

– Поняла.

– Отец тебя не отпустит, тем более по моей просьбе.

– Почему «тем более»?

– Он меня ненавидит, – сухо и довольно буднично ответил Руин, и девушка поняла, что эту тему лучше не продолжать.

– Так что же делать?

– Ну, я могу тебя украсть.

Реневера с изумлением оглядела своего собеседника. Потом изумление сменилось озабоченностью и задумчивостью.

– Ты рискуешь.

– Конечно. Я всегда рискую.

– Ты считаешь себя обязанным мне? – предположила она. – Напрасно. Ты ничего не должен...

– Что за чушь, – сердито перебил принц. – Какие еще долги? Я делаю лишь то, что считаю нужным. Нужным не для кого-то – для самого себя. И не надо заранее нервничать, Реневера. Есть и другие варианты развития событий, не только банальная кража. Не бойся. Все будет хорошо.

Он положил руку ей на плечо, и под весом этой узкой изящной ладони девушка и в самом деле успокоилась, хотя и не полностью поверила в то, что все будет хорошо.

Руин прислушался, добавил магическое восприятие – охранник по-прежнему дремал снаружи. Он проснется лишь

для того, чтоб сдать пост.

– Какие еще есть варианты? – спросила пленница.

– Насколько у тебя сильная магия? – спросил он пленницу.

– Пятый уровень.

– Что это означает? Извини, я не разбираюсь в ваших уровнях. Мм... Скажем так, что ты можешь?

– Ээ... Даже не знаю, с чего начать.

– Ты можешь поставить портал?

– Могу.

– Я к себе на родину, через миры?

– Могу.

– Отлично, – он повеселел. – Значит, все упрощается. Только подожди ночи. Договорились? Отец к тебе сегодня не придет, я уверен. Он наверняка упьется. К нему приехал старый друг, так что... – принц коснулся ее запястий и провел пальцами по браслетам, которые на ощупь казались цельно-металлическими. Потом нежно поцеловал ее в губы.

Встал и вышел из покоев. Как положено, широко распахнул дверь, прежде чем плотно закрыть ее за собой, чтоб стражник, дремавший за дверью, но мигом проснувшийся, как только на нем остановился взгляд начальства, смог убедиться – пленница на месте. Солдат незаметно одернул мундир, вытянулся перед принцем и красиво отдал честь. Затем заложил засов.

Он был немного смущен, что его застали спящим на по-

сту, и не знал, как себя вести. Но его высочество, похоже, не собирался разносить его на все корки или отправляться ругать офицера. Второе намного хуже, ибо офицер в отместку умеют наказывать провинившихся рядовых куда более жестоко, чем принцы. Хорошо, когда облеченный властью человек решает проявить милость на первый раз. Как правило, у власть имущих плохая память, и снисхождение превращается в целую череду «первых разов».

Руину было не до рассеянного часового. Пусть волнуется, пусть думает, что ему будет за сон на посту. Чем больше нервозность охранника, тем меньше шансов, что он заглянет в «камеру для гостей» и осмотрит блоки пленницы. Принц сдержанно и задумчиво улыбнулся. Даже если он никогда больше не встретится с обворожительной девушкой, все равно, он выполнил свой долг. И, кстати, оставил отца в дураках.

Глава 2

Камни, нагретые солнцем, охотно отдавали тепло ногам, и даже подошвы сапог не становились преградой для этой своеобразной ласки. Мелкие осколки камня осыпались вниз, и вместе с песком узкими ручейками текли к подножию горы, изрытой ходами и взрывами, как магическими, так и пороховыми. Ребятам из ударной антитеррористической группы «Авла» (впрочем, здесь были взводы и из других частей) хуже смерти надоел этот холм и остатки укреплений на нем. Когда-то здесь высился великолепный форт, но десяток лет штурма превратил военную постройку в развалины.

Войска Асгердана (он же Центр – в просторечии) обычно не пользовались огнестрельным оружием. Оно не было запрещено и даже стояло на вооружении армии, но считалось, что большого толка с него нет. От века солдаты воевали с солдатами, то есть с людьми, и ту же функцию выполняла магия. А огнестрельное оружие... Такое впечатление, что оно воюет со строениями. Разрушения, которые провоцируют пороховые взрывы, очень сложно провоцировать. Это неудобно. И, кроме того, достаточно одного хиленького мага, чтоб он смог поставить защиту от любой пушки.

Потребовалось восемь лет, чтоб понять, что в форте нет ни одного мага. По крайней мере, если он и был первые восемь лет, то последние два года никаких следов мага не

обнаруживалось, и пушки сумели сравнять каменные стены с землей. Похоже, команда Белокурой Бестии, засевшая там, либо владела запасом артефактов, достаточным на такой долгий срок, либо их маг умудрился от чего-нибудь скоропостижно скончаться. Бывает и такое.

Правда, слишком много времени потребовалось, чтоб разрушить стены, защищавшие отряд от штурмов. Магия против него не помогла – в кладку еще при постройке, как принято, были заложены мощные заклинания антимагии, а солдаты, похоже, укрывались под хоть и ослабевшими, но действующими артефактами. Обнаружив, что магия на них не действует, центристы подтянули пушки. Еще два года они сравнивали укрепления с землей. Защитники форта, разумеется, не сидели сложа руки, они отстреливались как из обычного оружия, так и из магического. Хорошего. Да и попадание, скажем, из обычного гранатомета – малое удовольствие. Когда в магическую защиту врежется ракета, человека относит метров на десять, тут еще бабушка надвое сказала, сломаешь шею и позвоночник – или нет.

Так что осада форта не напоминала пикник. Когда Белокурую Бестию выкопали из-под обломков еще живым (впрочем, тогда еще не знали, что это Белокурая Бестия), обесиленные боями, разозленные штурмом люди готовы были растерзать пленника, хоть и сознавали, что это военное преступление. Но порыв... Понятен. Вмешался командир. Фэйн из клана Одзэро Неистовых отлично знал, что такое закон,

порядок и устав, сам почти не нарушал и другим не давал. Ну, разве что в мелочах.

Никто не поверил, что в форте оставался только один человек. Выкопав одного, солдаты отправились лопатить остальные развалины – но с ходу никого больше не нашли. Сперва пленник находился в бессознательном состоянии, и, пока вокруг него хлопотали медики, копатели успели дважды и трижды взмокнуть. Когда выяснилось, что спасенный противник почти не пострадал, медики отправились готовить эвакуационный госпиталь – на случай, если в развалинах кто-то окажется – а пленника передали командиру.

Фэйн не почувствовал воодушевления по поводу того, что ему навязали пленника, но свое дело готов был в любом случае выполнять свои обязанности четко и неукоснительно. Сейчас он считал своим долгом так называемый «полевой допрос». Подождав пару минут в надежде, что противник сам откроет глаза, командир привел его в сознание пинком ноги под ребра и наклонился пониже.

– Ты один?

Пленный зажмурился и сперва посмотрел на Фэйна одним глазом. Небо, разворачивающееся над ними, сияло ослепительной синевой, напоенной солнечным светом, и, наверное, после долгих лет полутьмы в стенах форта смотреть вверх было больно. У пленника были ясные синие глаза, взгляд которых был очень пристален, даже пронзителен, и белокурые длинные волосы – даже борода и усы почти

бесцветные, теряющиеся на фоне бледной кожи, совершенно нетронутый загаром. Если б командир антитеррористической группы не знал, что пленник несколько лет просидел взаперти (если можно определить подобным образом осажденный форт), он не поверил бы, что цвет его волос естествен.

– Ты один? – повторил Фэйн, на всякий случай поднимая руку для удара.

– Да, – лаконично ответил допрашиваемый.

– А остальные? Где?

– Ушли.

– Куда?

– Подальше.

Фэйн из клана Одзэро Неистовых скрипнул зубами. Выражение его лица не изменилось, но внутри бушевала ярость. По его представлениям пленный не мог шутить над тем, кто его взял в плен, и поведение упрямого противника показалась ему вдвойне издевательским, вдвойне оскорбительным. А подобного командир должен не допускать. Он ударил допрашиваемого по лицу, вряд ли отдавая себе отчет, что в его ярости виноваты не статьи и параграфы устава, а собственная неуравновешенность.

После удара Фэйну стало легче.

– Назовись, – потребовал он.

– Белокурая Бестия.

– Сам? – удивился и не сразу поверил Одзэро. – А чего не

ушел с остальными?

– А вот, – и опять получил, на этот раз в живот.

– Мы тут не шутки шутим, – процедил Фэйн. – И ты это поймешь либо сам, либо с моей помощью. С моей помощью будет больно.

– Ну, что ж поделаешь...

И, хотя ответ показался командиру «Авлы» не менее хамским, чем предыдущие, на этот раз он сдержался. Все-таки, лупить пленника за каждое слово – это уже вопиющее нарушение правил.

Дальнейший допрос ничего не дал – то ли Белокурая Бестия в глубине души твердо решил молчать, чего бы это ни стоило, то ли в самом деле не знал. С ним действительно был большой отряд – бывшие солдаты Ордена Серых Братьев. Они куда-то ушли, но куда, когда и каким образом умудрились это сделать – тайна. Пленник, разумеется, должен был хоть что-то знать, ну, хоть что-то. Но добиться внятного ответа не удавалось. Проще было махнуть рукой на Бестию и приказать ребятам с спецподразделения прочесать окрестности. По сути, разговор Фэйна с пленником свелся к обмену репликами, где Одзэро то и дело чувствовал себя оплеванным, а вторая сторона, как ни парадоксально, веселилась от души, даже несмотря на побои.

– Сколько было ушедших?

– Много.

– Где вы брали оружие?

– В тумбочке, – даже хлесткая зуботычина не стерла улыбку с лица пленника. – Раз, – отметил он.

– Что – «раз»?

– Удар.

– Будет больше, если не начнешь говорить.

– А я разве молчу? – еще удар. – Два.

– Куда они пошли?

– Далеко.

– Понятно, что не близко. Направление?

– О-о... Пожалуй, что на все четыре стороны.

– Сейчас ты отправишься на все четыре стороны, одновременно! По кускам! – взбесился Фэйн, осознающий, что ни убить, ни по-настоящему взяться за пленника ему нельзя – не та ситуация – только пинки и аккуратные удары. – Конкретно!

– А вот хрен! – тычок под ребра, тяжелый выдох. – Три.

– Со счета не сбейся... Куда они пошли? На север?

– Да в задницу! – несколько полновесных ударов заставили пленника ненадолго замолчать. – Кажется, одиннадцать... Нет, тринадцать... Какое число!

– Придурок! – не выдержал Фэйн и оставил Белокурую Бестию в покое.

Солдаты продолжали обследовать развалины, кляня на чем свет стоит командира, форт, оружие, превратившее его в развалины, Белокурую Бестию и весь Орден Серых Братьев в совокупности. Но среди камней больше не оказалось живых

– откопали только несколько обширных подвалов, где еще оставалось немало магически упакованных припасов и, конечно, боеприпасы – и того, и другого должно было хватить еще на несколько лет. Объем подвалов не оставлял никаких сомнений – именно здесь хранились все запасы, на которых существовали и воевали защитники форта. Магия могла с гарантией проследить след человека в ситуации такой явной близости антимагического фундамента лишь в течение восьми-девяти дней. Здесь она не давала результата – значит, все люди ушли, причем ушли не меньше десяти дней назад.

Фэйн оглянулся на своих подчиненных и смерил их уничижающим взглядом, обещающим в скором времени серьезные неприятности. «Не меньше десятка, как минимум десятков... Уроды, одного от десяти не отличили...»

Сержанты, на которых Одзэро обрушился с самыми отборными армейскими «разговорными словечками», лишь разводили руками и объясняли, что в ответ на атаку группы пальба шла почти безостановочно из пяти соседних окошек, и они из расчета «двое на оружие» сделали вывод, что должно быть не меньше десяти. Вывод звучал логично, в самом деле, один стреляет, другой подносит снаряды. С ума сойти, это с какой же скоростью надо бегать, с какой сноровкой заряжать. Разумеется, существуют разные приспособления, и сам Фэйн некогда без помощи магии умудрился палить из трех самозаряжающихся орудий. Но все-таки...

– Как тебе это удалось? – хмуро спросил он пленника.

Тот лишь плечами пожал.

– Уметь надо.

Командир давно служил в армии – сперва в действующей, потом в войсках специального назначения, потом в антитеррористических частях – и умел уважать сноровку. Признания заслуживало и мужество этого человека, который позволил своему отряду уйти, а сам остался прикрывать отход. У Одзэро было весьма веское достоинство – он обладал острым чувством справедливости. Конечно, во многих случаях довольно специфической, но все же. На какой-то миг ему даже захотелось извиниться за пинки, мол, сам понимаешь, служба требует, но эту позорную слабость в себе он поборол.

Фэйн отдал все необходимые распоряжения и уселся неподалеку от связанного пленника; он швырял камушки в ближайшую стену и скучал – пока его люди не обследуют прилегающие территории, уходить нельзя.

Солнце припекало все сильнее, ветер приносил с ближайших полей терпковатый аромат цветочной пыльцы. Форт стоял на обрывистом берегу широкой реки, дальше тянулись луга, покрытые густой роскошной травой, а на горизонте темнела кромка леса и поднимались пологие холмы. Над всем этим изящно возносилось небо, чистое и бездонное. У Белокурой Бестии давно затекли руки, хотелось пить, но он терпел. Пленник был терпелив, очень выдержан – с тех пор, как воспитание в Ордене Серых Братьев научило его выдержке.

Белокурая Бестия выглядел настоящим великаном – рост больше двух метров, размах плеч саженный, мускулистые предплечья: едва обхватишь ладонями. С первого взгляда он производил впечатление обычного громилы, не слишком умного, зато способного завязать на бантик кочергу – все из-за стереотипов, существующих в обществе. Но стоило взглянуть в его стремительные глубокие глаза, и ты понимал – этот человек очень умен, сообразителен и дальновиден. Кроме того, казалось, Белокурую Бестию окружала особенная аура – уже через пару часов Фэйну, то и дело от скуки перекидывающемуся с пленником парой слов, показалось разумным ему довериться. Он развязал пленнику руки и поделил с ним свой паек.

Впрочем, Бестия никуда не пытался сбежать – он обстоятельно растер руки и вежливо поблагодарил за половину здорового бутерброда с мясом из жестянки. Вел он себя уверенно и просто. И в то же время неуловимо-располагающе. «Он – лидер, – вдруг подумал Одзэро. – Лидер от природы. Вот почему за ним шли люди, вот почему отдавали жизни, вот почему его отряд продержался в форте больше десяти лет – больше десяти лет, шутка ли!? Каким надо обладать даром, чтоб так сплотить людей...»

– Слышь... Бестия...

– М? – пленник поднял на Фэйна свои синие чистые глаза. Рот набит до отказа.

– Я тебе хотел один вопрос задать.

– М?

– Какой у тебя опыт? Командирский опыт? Какое звание?

– Где? В Ордене? Воин.

– Что – рядовой?

– Рядовое некуда.

Фэйн хмыкнул.

– Но почему? Даже мне видно, что из тебя вышел бы перспективный командир. Так-таки совсем не командовал?

– Ну, два года до того, как ваши войска атаковали Байхерат, и эти двенадцать лет, что мой отряд сидел в форте.

– И звание рядового?

– Ну, да. Меня в Ордене не любили. Назначили командиром, но звания старшего воина не дали. Да и не надо. Пусть подавятся. Я командовал тем отрядом, в котором раньше воевал. Ребята сами захотели, чтоб их возглавил я. И потом охотно исполняли приказы.

– Как ты умудрился так их сплотить?

Белокурая Бестия пожал плечами и переменял позу. Он сидел на корточках у бесформенной груды камней, которая когда-то была стеной, и умудрялся не уставать.

– Я люблю их всех. И вместе, и в отдельности каждого. И они это знали.

Фэйн покачал головой. На его смуглом, почти черном лице, которое обычно напоминало вырезанную из дерева маску, отразилось несомненное уважение. У Одзэро были правильные черты лица и такое совершенное сложение, что, ко-

гда он замирал в неподвижности, то казался не живым человеком, а статуей, возданной руками самого искусного скульптора. Причем статуей черной, поскольку он, как и все его родственники, Одзэро Неистовые, был темнокож.

– Черт возьми, и почему ты против нас?

– Я не против вас и не за вас – я за себя и своих людей.

– Здрасьте, пожалуйста, а почему тогда ты воевал за Орден Серых Братьев?

– Ха, какой там еще Серый Орден? Когда началась эта заваруха, я собрал своих людей, взял всех, кто пожелал пойти со мной, и повел их подальше. Мы бились только за себя.

– Не понимаю, зачем вообще тогда было биться? Если вы не собирались защищать Серый Орден...

– Ага, и вы бы немедленно поверили, что мы больше Орден не защищаем, и отпустили бы нас. Или как?

– Хм...

Одзэро задумался. Пожалуй, церемониться с ними не стали бы. Тем, кого считали солдатами Ордена Серых Братьев, сдаваться даже не предлагали. Совет Патриархов же провозгласил – никаких договоров с террористами. А поскольку Серый Орден объявили организацией террористической, даже адептам-ренегатам нечего было рассчитывать на снисхождение.

– Но ты же служил в Сером Ордене, верно?

– Служил.

– Ну... И почему?

– А у меня был выбор? – Бестия смотрел на собеседника серьезно, но и с грустью.

– А разве нет?

– Бывает так, что выбор оставляют только один – живи или умри. Чтоб созреть до этого выбора, многим требуется время. Мне хватило тридцати лет.

– А бежать?

– Бежать не удавалось... Я ненавижу Орден. Он отнял у меня все – родину, семью, даже память. Почти всю. Я его ненавижу.

– Как это случилось? – помолчав, спросил Фэйн.

– Я не помню, – буркнул пленник, глядя под ноги. – Я же говорю – и память тоже.

И эти слова как-то махом убедили Одзэро, что собеседник говорит правду. Тот, кто хочет оправдаться, начинает придумывать трогательные истории, чтоб разжалобить – о взятых в заложники родственниках, о похищении, о чем-нибудь еще. А здесь – ничего. Рассказ о проблемах с памятью Фэйна несколько не удивил – в брошюрках об Ордене Серых Братьев, выданном солдатам для ознакомления, указывалось, что тамошние мастера использовали различные псионические техники для воздействия на создание и для обработки памяти. Применение подобных средств стало одной из причин объявления Ордена вне закона даже в те времена, когда против него еще не начали полномасштабные военные действия в ответ на террористические акты.

– С каких лет ты в Ордене?

– С шести. По крайней мере, так говорили.

– А до того что было?

– Не знаю. Не помню.

– В налете на Технаро участвовал?

– Нет. И ни в каких других тоже. Мне не доверяли.

– А если бы доверили?

– Дал бы деру, наверное. Или просто отказался. Ну, на хрена мне что-то там разрушать?

– А как же обработка?

– О-о... Обработка. Это да. Но, видишь ли, – как-то незаметно командир «Авлы» и его недавний враг номер один перешли на «ты» – от души, – меня обрабатывали пять раз. Понимаешь, почему?

– Нет.

– Потому что действие слетало. Его хватало года на два максимум. Мне удавалось скрывать, так что за тридцать лет оболванивали меня только пять раз.

– Тебе тридцать шесть?

– Нет. Сорок девять. После того, как против Ордена начались военные действия, им уже было не до псионической обработки своих солдат.

Фэйн окинул пленника оценивающим взглядом. Перед ним сидел молодой парень, на вид лет двадцать, не больше, руки, конечно, были грубые, но по-молодому грубые, не так, как у пятидесятилетних, поживших людей.

– Ты долгоживущий? – предположил он.

Белокурая Бестия пожал плечами.

– Не знаю. То ли долгоживущий, то ли бессмертный. Мне не говорили.

– Ну, давай проверим, – предложил Одзэро. Ему было скучно. Солнце припекало все сильнее, хотелось что-нибудь сделать – например, раздеться, нырнуть с обрыва и понырять, или хоть пострелять в цель. Он вынул фляжку, откупорил ее и, отхлебнув, предложил пленнику. Во фляжке был коньяк – тоже нарушение устава, но в данной ситуации невинное. Пленник охотно приложился к горлышку, глотнул, не поморщившись.

– Давай проверим. А как?

– Запросто. Я – Фэйн Одзэро.

– Клановый?

– Именно. Понятное дело, что я бессмертный. Давай проверим, кто из нас сильнее. Если окажемся приблизительно на равных, значит, ты тоже бессмертный. Идет?

– Ну, идет, – Белокурая Бестия утер губы. Вернул флягу. – Только как? Не будем же мы драться.

– Ну, можем армрестлинг устроить, – Фэйн согнул руку в локте.

– Хм, – пленник огляделся вокруг. – Локти некуда ставить.

– Почему некуда? На планшетку. А планшетку – на камень. И сядем по сторонам. На землю.

Командир «Авлы» с уважением оглядывал широченные плечи и крепкие мышцы своего противника. Он уступал Белокурой Бестии в росте на добрые полфута, шириной плеч на пару дюймов, но в клане слыл одним из самых подвижных воинов, мастеров рукопашной. Пленник казался ему слишком массивным и, как следствие, слишком неповоротливым.

Впрочем, в армрестлинге ловкость не имеет значение – только сила. Гибкий и подвижный Фэйн своими небольшими для мужчины ладонями гнул огромные гвозди и ломал подковы. Сила бессмертного всегда превышала силу смертного, даже самого крепкого, и потому Одзэро нисколько не смущали габариты противника. Установили камень, положили планшетку и устроились по обе стороны, скрестив ноги.

Примеривались недолго, сцепили руки, а в следующий миг рука Фэйна пошла вниз. Хватка двоих мужчин была такой чудовищной, что между ладонями, наверное, расплющилась бы даже монета. Командир сопротивлялся около полуминуты, а потом сдался. Белокурая Бестия осторожно опустил его руку на планшетку, чтоб не вывихнуть противнику плечо, и отпустил. Взмыленный, встрепанный, Одзэро потер локоть.

– Ну, ты даешь... Здоров, черт, – он фыркнул и вытащил флягу. – Будешь?

Когда за пленником прибыли конвоиры, как предположил кто-то, из разведывательной службы, командир «Авлы» попрощался с ним за руку.

– Может, еще увидимся, – ободряюще предположил он. Белокурая Бестия в это очень сомневался.

Разведывательная служба пленником почти не заинтересовалась. Было проведено несколько простых допросов, после чего бывшего адепта Серого Ордена отправили в Асгердан, в Центр, в тамошнюю тюрьму Биалі, считающуюся неприступной. Холод охватывал любого, кто просто из любопытства приближался к ее стенам – массивным, нависающим, словно олицетворенный рок, где окошки, и те узенькие, были прорезаны на головокружительной высоте. На вратах Биали, несмотря на всю нежность ее названия, вполне можно было начертать слова «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Тюрьма предназначалась для самых опасных преступников – предполагаемых убийц, насильников, грабителей и террористов. Отсюда либо выходили на городские улицы – если везло с адвокатом, и суд выносил оправдательный приговор; либо отправлялись на Звездные каторги – самое страшное место Вселенной, как о ней говорили.

Огромное многоэтажное пространство Биали было поделено на тесные камеры-одиночки. Решетки, замки, глазки и в придачу к ним – сложная магическая система слежения. Узник мог пользоваться всеми необходимыми удобствами, получать передачи и проверенные цензурой письма, читать книги, даже раз в неделю выходить на пятиминутную про-

гулку в тюремный садик, но все это время он оставался в одиночестве – если не считать, конечно, охранников и адвоката. Ни свиданий, ни даже возможности хотя бы украдкой взглянуть на родных и близких из окошка у него не было. Страшная тюрьма совершенно изолировала его от окружающего мира.

В главной тюрьме Асгердана Бестии понравилось – здесь терпимо и обильно кормили, через день позволяли мыться и стелили на кровать самые настоящие чистые простыни. С тех самых пор, как сотенный отряд Белокурого оказался заперт в форте, ни один из них не жил в таких роскошных условиях. Впрочем, и до того существование воина Ордена представляло собой далеко не курорт. Бестия знал, что его ждет высшая мера наказания, но это заключенного мало беспокоило – за последний десяток лет он привык чувствовать смерть за своим плечом, как-то примирился с нею. На поверку она оказалась совсем не страшной старухой.

Обидным лишь то, что судить его примутся за преступления, которых он не совершал. Просто повесят на шею первого попавшегося «яркого представителя» коромысло вины всей организации. А то, что гроссмейстеры Ордена вытворяли самые разнообразные, часто страшные, часто омерзительные вещи, пленник знал. Конечно, знал. Часть этих омерзительных вещей он испробовал на себе. А теперь за них же придется отвечать. Ирония судьбы.

Он не негодовал. Не злился. Не кусал локти. Тогда, от-

правляя своих ребят по подземным ходам, о существовании которых двенадцать лет даже не догадывался, он понимал, на что идет. Он знал, за кого и чем расплатиться. И теперь его грело ощущение правильности собственных действий. Бес-тия не знал, что это ощущение называется «чистая совесть». Он не знал, что человеку с чистой совестью и верой в лучшее даже умирать легче.

Заскрипел замок, едва слышно хрустнули петли, и в камеру вошел охранник. Против устава он дружелюбно подмигнул узнику – молодой отчаянный парень ему нравился – и осторожно поставил на столик поднос с едой.

– Твой ужин, Белобрысый. Картошка, мясо, хлеб, немного сыра.

– Спасибо... – он подсел к столику. Общительному Бес-тии было тяжело сидеть в одиночестве, любой ценой хотелось удержать этого пусть тюремщика, но зато настоящего, живого человека, поболтать хоть с ним. – Хорошо тут кормят. И долго собираются переводить на меня продукты?

– Наверняка, – тюремщик и сам не торопился уходить. – Суд над тобой снова немного отложили. Расследование затягивается... Да и дело нашумевшее. Сам понимаешь... Кстати, к тебе посетитель. Ты доел?

– Мм... Что за посетитель?

– Какие тут могут быть еще посетители? Адвокат.

– Это у меня-то – адвокат? – изумился Бес-тия. Он даже жевать перестал.

– У тебя, у тебя. У всех должен быть адвокат. Положено. А что положено, то бери и от окошечка отходи. Ясно? Доедай давай.

Молодой парень торопливо проглотил остаток обеда, хотя обычно предпочитал наслаждаться горячей пищей неторопливо – уж больно любопытно было взглянуть на человека, решившегося защищать того, кого собирались, кажется, объявить самым главным террористом. И это в Асгердане, где закон о суде был весьма своеобразен. Проигравший дело адвокат получал отметку в личное дело, иногда штраф, а иногда и заключение. Зависело от дела, за которое он взялся. Законники Центра полагали, что юрист должен отдавать себе отчет в том, за какое дело он берется, и насколько его дело – правое.

А уж дело террориста? Кто решится такого защищать? Обвиняемым, которых считали «безнадежными», давали, как правило, либо юристов-стажеров, либо адвокатов с окончательно испорченным личным делом. Назначенные от суда защитники никакого наказания за проигрыш не несли. Бестия считал, что подобная система абсурдна, но в каждом мире – свои порядки, в каждом мире по-своему. Ему обещали, что выделяют какого-нибудь стажера, который опросит его накануне суда, а тут... Охранник говорил об адвокате. Интересно, он имел в виду дипломированного специалиста? Неужели на адепта Серого Ордена не хватило стажеров?

Снова открылась дверь, и в камеру вошел хорошо одетый

мужчина. На вид ему было лет тридцать, держался он уверенно, и, войдя, первым делом испытующе взглянул на заключенного. Бестия и сам не понял, почему вытянулся, как перед командиром. У посетителя были быстрые синие глаза – такие, какими они бывают у хороших психологов и просто очень проницательных людей – и коротко подстриженные белые волосы с легким оттенком седины. Рука, которую он протянул бывшему адепту Ордена, казалась слишком узкой для мужчины, но пожатие получилось сильным.

– Добрый день. Меня зовут Мэльдор Мортимер, я буду представлять ваши интересы в суде, если мы, конечно, найдем общий язык. Да вы присядьте, разговор, полагаю, будет долгим. Извините за проскальзывающий в речи официоз. Печать профессии.

– День добрый, – Белокурая Бестия присел на край койки, с любопытством наблюдая, как гость непринужденно оседлывает стул задом наперед – спинкой вперед. – А вы адвокат?

Мэльдор удивленно приподнял бровь.

– Вы сомневаетесь? Хотите взглянуть на мой диплом? Или на мою статистическую книжечку?

– Да нет... Просто удивлен. Вы... это... по разнарядке? Вас назначили?

– Нет. Я сам.

– Сам? Вы любите безнадежные дела?

– Я? Мм... Уважаю. Но ваше дело, молодой человек, не

кажется мне безнадежным. Трудно, да. Но возможно. А я люблю трудные дела.

– Но я не смогу вам заплатить.

– Поставьте бутылку, когда выйдете отсюда.

– Так почему же вы... – Белокурая Бестия не привык безосновательно доверять кому бы то ни было, и потому насто-рожился. – Почему вы ставите на меня? В чем причина? Вы же рискуете.

– Да, рискую, – с улыбкой признал Мэльдор. – Скажу вам прямо, молодой человек, никто не гарантирует меня, что в случае моего чистого проигрыша мы с вами не отправимся на Звездные каторги вместе. Только вы – года на три-пять, то есть на максимальный срок, а я – на недельку.

– Всего на три-пять лет?

– А вы не смотрите на этот срок так легкомысленно. Это и есть высшая мера наказания. На Звездных никто еще не выживал больше двух лет... Но я не собираюсь вас пугать. Надеюсь, что мы с вами оба туда не попадем.

– И все же, почему?

– Почему я взялся за ваше дело? Твердо хотите знать? – Мэльдор дотянулся да своего дипломата, который, присев на стул, поставил рядом, и открыл его. – Знаете, несколько десятков лет назад у меня погиб очень близкий человек. Я пообещал себе, что в память о нем обязательно выручу ко-го-нибудь. Разумеется, просто так. И, могу вам сказать, молодой человек, что давненько я не брался за дело с таким

удовольствием, — и вынул из дипломата кожаную папку и пристроил ее на коленях. Вынул чистый лист. — Понимаете ли, прежде чем вызваться, я, конечно, ознакомился с делом. И обнаружил там одни голословные обвинения. А спасать от каторги невинного — разве это не высший долг любого адвоката?

Бестия хмыкнул. Этот человек, в какой-то миг показавшийся чересчур самоуверенным, ему неувовимо нравился. С ним хотелось иметь дело.

— Что за человек? Который погиб?

— Мой сын. Ну, знаете, жизнь за жизнь.

— Благородство, — откомментировал он.

— Не только. Кроме того, если я выиграю это дело, оно украсит мое личное дело. Мою статистическую книжечку. А в выигрыше я почему-то уверен. Итак, вы согласны?

— Ну... Почему бы и нет. Давайте, попробуем.

— Отлично, — кивнул Мэльдор. — Пару слов о себе. Как я уже говорил, я Мортимер, то есть принадлежу к клану Мортимеров, о чем вы, собственно, могли догадаться по моей внешности, поскольку я беловолос, а белобрысость — один из наших родовых признаков. Пятьдесят шесть лет назад я закончил стажировку в суде, кстати, здесь же, в Биали. Закончил с отличными рекомендациями. С тех пор практикую. Если хотите задавать вопросы, не стесняйтесь. Давайте договоримся, вопросы задаем друг другу по мере необходимости, и отвечаем только правду. Или не отвечаем ничего. Но

вам я рекомендую всегда отвечать правду. Поскольку я буду представлять вас в суде, мне придется знать о вашем деле никак не меньше, чем вам самому, скорей уж больше. Договорились?

– Ага, – Бестия едва слышно фыркнул. – У меня один вопрос. Можно?

– Я же сказал – да. Любой.

– Сколько у вас проигрышей? Приблизительно?

Мэльдор поднял на него спокойный взгляд.

– Ни одного.

– Ни одного? – молодой парень приоткрыл рот, но, опомнившись, немедленно закрыл его. – Такое бывает?

– Редчайший случай в юридической практике. Я не проигрываю процессы. Не верите? Статистическая книжечка при мне. Показать?

– Да нет, я верю, верю...

– Я вас успокоил?

– Вполне.

– Тогда перейдем к делу. Сперва анкета. Назовите мне ваше настоящее имя.

– Я его не знаю.

– Совсем? – Мэльдор на миг поднял взгляд от чистого листа. – Вас так и называли – Белокурая Бестия?

– Ага. То так, то на древне-каомском.

– Маэлло-Айн? Вы знаете древне-каомский?

– Я? Нет. Один наш гроссмейстер знал, именно он так ме-

ня и называл. Вы, оказывается, разбираетесь в этом языке. Причем здорово разбираетесь.

– Да, – Мэльдор погрузнел. Что-то чиркнул на листочке.

– Что-то не так?

– Да нет. Просто так звали моего сына. Который погиб.

– Маэлло-Айн?

– Мэлокайн. Современная транскрипция. Современного каомского не существует, а транскрипция есть. Ну, пожалуй, оставим в покое мое прошлое. Расскажите-ка мне о себе. Как вы попали в Орден Серых Братьев?

– Не помню.

– Так... Кстати, почему Орден назывался «Серым», вы не знаете?

– Ну, – Белокурая Бестия наморщил лоб. – Во главе его стояли пятеро гроссмейстеров, которые провозглашали себя серыми магами. Кажется, они имели и виду, что обладают какой-то магией, которая не белая и не черная, а нечто среднее. Которая обладает достоинствами и той, и другой магии, и еще что-то свое.

– Но это же абсурд. Серой магии не существует.

– Я не знаю. Я не маг. Говорили.

– Понятно. Потому Орден так и назывался?

– Да. Туда сперва собирали всех, кто, по мнению гроссмейстеров, мог оказаться серым магом, изучали эту магию, и еще что-то... Ну, а потом началась борьба за власть. Всеми способами, включая терроризм. Меня же в терроризме

обвиняют?

Мэльдор отмахнулся.

– Не надо заранее нервничать. Нельзя обвинять человека в том, в чем он не участвовал. Доказательств вашего участия в нападении на Технаро нет.

– Естественно. Меня там не было.

– А в других нападениях вы участвовали?

– Нет. Только от антитеррористических подразделений Асгердана отбивался. Немного за Орден и много за себя и своих людей.

– Да, я знаю. Этот момент среди всех улик – самый уязвимый. Но не будем падать духом. Чисто по-человечески я вас прекрасно понимаю. Кстати, не волнуйтесь за своих людей. Сейчас их не будут искать. И, если обвинитель не добудет каких-нибудь доказательств вины конкретных людей из той сотни, что была с вами, вообще не станут искать.

– Ну и замечательно, – впервые за все время пребывания в тюрьме Белокурая Бестия вздохнул с подлинным облегчением.

– Ты так волнуешься за свой бывший отряд?

– Конечно. Это же мои люди. Я за них отвечал, и мне не все равно, что с ними будет.

– М-да... – Мэльдор задумчиво чистил ручку о край листочка. – А я был бы рад, если бы хоть кто-нибудь из них попал в плен. Он мог бы дать показания в твою пользу.

– Нет уж. Лучше пусть без показаний.

– Ладно. Проведу свое собственное расследование. Хорошо. Что еще вы можете рассказать о деятельности Ордена? Напрягитесь и изложите мне все, что знаете или слышали. Я буду проверять.

Белокурая Бестия послушно принялся вспоминать.

Серый Орден был довольно обычным для такого рода структур явлением. Сперва людей сплотили пусть и эгоистические, но вполне понятные интересы, а потом все пошло иначе. Организация стала бороться за влияние, причем не самыми благими методами, а теми, какие показались им проще. Орден продержался больше сотни лет лишь потому, что располагалась довольно далеко от Центра, и на нее не сразу обратили внимание. Система миров, где Асгердан считался столичным миром, была очень велика, слишком велика для того, чтоб знать там каждый уголок. Вплоть до того, что никто не знал, сколько же миров относится к системе. Во многих из них не ступала нога центрита, но они все равно считались административно принадлежащими Центру. И как только окраина начинала докучать, Асгердан наносил сокрушительный удар.

Правда, в этом случае удар не получился сокрушительным. Орден немедленно огрызнулся. Сил на серьезный отпор не хватало, и потому в ход пошли мелкие диверсионные удары. И первым стало нападение на Технаро – мир, в котором располагалось множество заводов, обеспечивающих Асгердан и все окружающие миры. Любая высокотехнологи-

ческая цивилизация зависит от структур, обеспечивающих ее функционирование – продукцией, энергией – как дитя в утробе зависит от своей матери, от того, что она ест и как себя чувствует. В Технаро были взорваны три завода-гиганта, еще с десятков так или иначе повреждены.

И Центр взбеленился окончательно. Злые языки твердили, будто реакция получилась такой решительной только потому, что владельцами одного из уничтоженных заводов были трое представителей клана Блюстителей Закона, который сосредоточил в своих руках почти всю исполнительную власть, равно как и судебную. Ответ последовал почти немедленно. Войскам Асгердана потребовалось трое суток, чтоб вторгнуться в миры, занятые Орденом, и немедленно атаковать. Впереди, конечно, шли антитеррористические подразделения, поскольку эта война (абсолютно обычная война, которая не слишком масштабна, но перестрелки, мертвые и раненые – самые настоящие) была наречена «антитеррористической деятельностью».

По сути, цели той и другой стороны были заявлены, как благие. Но, поскольку они преломлялись в коллективно-прагматическом сознании Совета Гроссмейстеров с одной стороны и Совета Патриархов с другой, то превратились в обычную звериную схватку за ареал, за выгоды, за власть. Война, как всегда, превратилась в движение двух гигантских жерновов, где погибали маленькие люди, как имеющие отношение к делу, так и совершенно посторонние. Что ж, «лес

рубят – щепки летят», так бывает всегда, но щепкам от этого не легче.

– Суровый закон хорош, – сказал Мэльдор. – Но обычно, когда благое начинание преломляется в человеческом сознании, оно превращается в нечто устрашающе-бездушное. А знаешь, почему? – он и сам не заметил, как перешел на «ты».

– М?

– Да потому, что человек всегда ищет, где проще. Сейчас значительно проще во всем обвинить тебя. Ты среди рядовых Ордена был замечен, популярен – ты это знаешь?

– Нет.

– Вот, знай. А поскольку ты – заметная фигура, то из мелкого командира в обвинительном заключении превращаешься чуть ли не в предводителя всей орденовой армии.

Белокурая Бестия запрокинул голову и расхохотался.

– Интересно, что бы сказал в ответ на это гроссмейстер Нэвир.

– Что бы он ни сказал, неважно. Сейчас надо доказать, что ты не виновен во всей этой ерунде. Беремся?

– Это вас надо спросить.

– Я же сказал – я берусь.

– Ну, а у меня нет выбора.

Мэльдор протянул руку, и Бестия от души пожал ее. Для него мир внезапно просиял всеми красками – вот что делает простое человеческое отношение и малейшая надежда. Он смотрел вслед исчезающему за дверью человеку и не знал

еще, что мгновение назад попрощался за руку с собственным отцом. Им еще предстояла узнать об этом, узнать, поверить и проверить. Мэльдору предстояло согласиться – он роковым образом ошибся, он чересчур легко поверил в гибель сына лишь потому, что в развалинах своего дома, где оставался шестилетний малыш, нашел следы крови.

– Но я был искренен в своем заблуждении, – невесело пошутил отец. – Ты понимаешь, в тот день произошла магическая катастрофа. В ходе подобных катастроф бывает, открываются спонтанные порталы. Подобное явление даже, пожалуй, из частотных... Прости, опять меня тянет на официоз. Сам понимаешь, как я мог подумать... Как бы мог ребенок выжить в катастрофе?

– Да я понимаю...

А Белокурой Бестии, которого на самом деле, как оказалось, звали Мэлокайном, предстояло признать, что, несмотря на неоднократную псионическую обработку, он все же сохранил какие-то обрывки воспоминаний. Тепло больших рук, вкус горячего молока из кружки и неумело, но старательно протертых овощей, куриная косточка, зажатая в кулаке... Прежде он старался вовсе не обращаться к этим воспоминаниям – слишком болезненно для человека, лишённого семьи – а теперь всей душой жаждал поверить, что давние образы связаны именно с этим человеком. Белокурая Бестия сам себе не отдавал отчет в этой жажде. Но еще до того, как сумел добраться до Генетической Базы Данных, чтоб удосто-

вериться в правоте своего адвоката, он стал мысленно называть себя Мэлокайном.

А процесс и в самом деле прогремел. Обвинитель – опытный и красноречивый, уверенный в успехе юрист – старался на публику. Он потратил много сил на описание подсудимого в самых мрачных красках, и действительно попытался представить его не только предводителем основной террористической группы, но и идейным вдохновителем. Слушая его прекрасную и прочувствованную речь, Белокурая Бестия решил, что ему конец, а адвокат сдержанно, но с наслаждением улыбался. Он прекрасно понимал, что легче всего расправляться с теми утверждениями, которые совершенно не соответствуют действительности. Бездна предпринятый с точки зрения обывателя финал стараниями самого обвинителя превращался в замок на зыбкой глади болота.

Речи Мэльдора по сравнению с речами его противника по процессу звучали очень кратко, но зато четко. Каждая фраза была нашпигована фактами, напроочь лишенными эмоционального украшения, как шутиха – порохом. Всего за пару месяцев Мэльдор провел обстоятельное расследование, и ему было что сказать. По настоянию Блюстителей Закона предполагаемый командир-террорист был лишен права обратиться к суду присяжных, так к чьим чувствам было адресовать образную речь? Судьи во все времена уважали лаконичность и фактологическую точность. Именно ее теперь Мортимер и демонстрировал удивленному судье.

По законам судья не допускался к предварительным материалам до заседания, потому на начало процесса знал лишь то, что знали обыватели. Громкий процесс доверено было вести одному из самых лучших, самых опытных, самых знаменитых судей Асгердана – внучке патриарха клана Блюстителей Закона, Оре Тиссае. Эта женщина слыла самым бесстрастным судьей Асгердана, она была предана понятию законности всей душой. Узнав, что именно она будет председательствовать на суде, Мэльдор вздохнул с облегчением. Теперь – решил он – фортуна их больше не оставит. Разумеется, поручив Оре Тиссае ведение процесса, Блюстители Закона просто хотели щегольнуть перед общественностью своим беспристрастием – основным требованием, предъявляемым к закону. Они ведь не сомневались в том, кто выиграет процесс.

Ора Тиссая выслушивала свидетелей и речи сторон, рассматривала доказательства с одинаково непроницаемым выражением лица. Иногда казалось, что она и вовсе не слушает, но то и дело Мэлокайн чувствовал на себе ее внимательный взгляд. И годы спустя он вспоминал выражение ее проницательных глаз, обращенных на него, особенно в тот момент, когда женщина-судья дочитала решение суда, и Белокурая Бестия с запозданием понял, что он оправдан и волен идти куда хочет.

Глава 3

Каменные блоки стен были прекрасно подогнаны друг к другу, казалось, даже иголки не всунешь в щелочку. Эту часть дворца возводили еще во времена батюшки Улла-Нэргино, сурового и боевитого правителя, который обожал войну во всех ее проявлениях, и в модном тогда стиле. Узкие окна – почти бойницы – сводчатые потолки, угрожающе нависшие над головой, массивные стены и исключительно винтовые лестницы – вот как это выглядело. Превратить во что-то эти угрюмые покои было практически невозможно. Арман-Улл подумывал сделать здесь арсенал, картинную галерею и с десятков благоустроенных камер, но пока не доходили руки. Слуги и гремлины следили за состоянием пустующего дворцового крыла, плавно переходящего в выдолбленные в скалах подземелья, но здесь никто не жил.

Моргана, конечно, знала, что никого здесь не встретит. Потому частенько ходила сюда. Конечно, в этом крыле замка было неуютно и холодно – никто не топил камины и печи – но зато девушка могла быть уверена, что ее никто не станет донимать насмешками и презрением. Некому.

Но все равно, прежде чем приступать к поискам, огляделась по сторонам. А потом провела рукой по камням стены близ винтовой лестницы, ведущей вниз, к скальным камерам. Цельные огромные плиты, ни единой трещины, ни од-

ной щелочки... Казалось. Вынув из-за пояса тонкий и маленький ножик, годный, кажется, лишь для очинки перьев, Моргана осторожно воткнула его прямо в камень. Тонкая полоска металла вошла легко, словно в мягкое масло, и оказалось, что между каменными блоками все-таки есть один зазор. Потом темная полоска стала шире, потом – еще шире, и в стене выросла щель, куда мог поместиться человек. Принцессе пришлось протискиваться.

За проходом обнаружился коридорчик, темный, с сухим запахом плесени. Надо было внимательно ощупывать ногами дорогу, поскольку ровный пол то и дело сменялся ступеньками. Узкий коридорчик – Моргана то и дело в шаге касалась камня сперва одним плечом, а потом сразу же другим. Девушка с привычной грустью подумала, что, будь она стройной и изящной, как мама, то проскользнула бы здесь без труда. Размышлять об этом было больно. Да и бесплодно.

Потом впереди забрезжил свет, и Моргана вышла к винтовой лестнице, где было попросторнее и можно было вздохнуть свободнее. Стены вертикальной шахты, где ступени завивались серпантинном, были прорезаны щелями, выходившими наружу, так что сквозь них в изобилии сочился дневной свет. Подниматься пришлось недолго – принцесса остановилась на первой же полукруглой площадке и снова вынула из-за пояса ножик. Вставила лезвие в щель. Одна из гигантских вертикальных каменных плит дрогнула и развернулась – в узкий проход девушка едва успела втиснуться. Она

знала, что, если не успеет, так и останется здесь. Навсегда.

За каменной плитой находилось небольшое помещение. Комната. Кабинет. Всюду – слой пыли, накопленной за годы. Мебель не пострадала от времени лишь потому, что вся – вплоть до кресел – была выполнена из камня. На каменных сидениях лежали сгнившие остатки подушек, на каменных полках – белесая бумажная пыль и труха от погрызенных крысами пергаментов. Глядя на то, что осталось от книг, Моргана вздохнула, хотя видела это зрелище не впервые, но тут же испуганно зажала себе рукой рот, потому что в каменном кабинете зазвучали голоса.

Сперва принцесса перепугалась, но потом поняла, что источник звуков довольно прозаичен. В дальней стене кабинета было проделано несколько ажурных прорезей, и, припав глазом к одной из них, девушка убедилась, что смотрит с высоты второго этажа в огромную залу – Большой Кабинет своего отца, где, как это принято было называть, он как раз «вел важные переговоры». Акустика оказалась такова, что каждый шорох, прозвучавший внизу, был слышен в тайном кабинетике.

Сейчас снизу доносилось легкое бульканье и звон хрусталя, одобрителное кряканье. В прорезь-окошко Моргана разглядела своего батюшку – Армана-Улла – в широкой, расшитой цветным узором алой одежде, уже усеянной сальными пятнами – такими, что было заметно даже с замаскированного балкончика. Напротив сидел властитель соседнего

мира – Утеса, закадычный друг Улла еще с тех времен, когда они оба были только принцами. Звали его Та-Орхэльд – припомнила Моргана – обиходное имя в кругу друзей, поскольку полное было тринадцатисложным.

– Ну, – сказал Та-Орхэльд, разливая из бутылки что-то светло-рыжее. – Вздогнули.

Они чокнулись хрустальными бокалами со вставками из драгоценных камней тем же движением, которым трактирные выпивохи сближают самые дешевые стакашки. Рыжеватые капли прозрачной жидкости плеснули на одежду властителей и крахмальную льняную скатерть со множеством вазочек и с остатками растерзанной вяленой камбалы, сочной лососины и обглоданными бутербродиками с разнообразной икрой.

– Эх, хороша рябиновка, – Арман-Улл, пальцами выуживая из вазочки маслину и кусок лимона, который сунул в зубы прямо с кожицей. Облизнул губы. – Ну, что, камбалу приказать?

– Ну, камбала... Несolidно. Что-то более соответствующее нашему статусу. Может, вяленого кита? – предложил хмельной Та-Орхэльд. – Принесут, если прикажешь?

– Не принесут, самих завялю, – серьезно ответил Арман-Улл и придвинул собутыльник одну из вазочек. – Закусывай, закусывай. Вот грибочки маринованные, рыжики. Очень я их под наливку люблю и уважаю. Икра неплохая.

– Да уж. Только в молоке мало выдержали.

– А ее что, в молоке надо выдерживать?

– А то. Выдери повара. Или кто там у тебя икрой заведует?

– Всех выдеру.

– Правильно. Задницы полировать полезно... Давай еще разок.

– Давай. Ну, вздрогнули?

– Вздрогнули.

Моргана отодвинулась от щелей. Удовлетворенно кряканье и бульканье внизу были красноречивы. А она-то гадала – почему нужно проводить важные встречи двух властителей в сочетании с таким огромным количеством разнообразных настоек и закусок. Девушка огляделась и принялась обследовать комнату, не забывая краем уха прислушиваться к происходящему внизу. А вдруг что-нибудь важное?

В каменном столе оказалось несколько ящичков, тоже каменных, но принцесса побоялась пробовать их – а ну как зашумят, а отец что-нибудь услышит. Было еще несколько предметов, вроде ажурного каменного светильника, красивого, но с точки зрения магии совершенно бесполезного, или каменного – каменного, подумать только – прибора для письма. Но Моргану интересовали только магические вещицы.

Об этом кабинете она узнала случайно – в одной из книг, взятой в дворцовой библиотеке, обнаружила листок пожелтевшей старой бумаги. Письмецо, написанное леди Деавой своей сестре, в котором она просила ее припрятать «шкатул-

ку» в тайник ее кабинета и объясняла, как попасть в кабинет. О леди Деаве Моргана слышала – это была одна из тетушек Армана-Улла, единственная владевшая магией женщина в правящей провальской династии. Ее, помнится, велел отравить собственный отец. Правда, молва твердила, будто хитроумная леди обо всем догадалась, есть и пить за столом не стала, и в тот же день исчезла из Провала. Слухи подтверждал тот факт, что на фамильном кладбище могила Деавы Нэргино отсутствовала.

Миарена была сестрой-близнецом Деавы, но магией не владела и, когда Арман-Улл еще был энергичным начинающим правителем, благоразумно ушла в монастырь. Племянник ее не тронул. Кажется, она до сих пор молится Богу.

Странно, что леди Миарена не уничтожила записку сестры. Скучных указаний Моргане вполне хватило, чтоб найти тайный кабинет Деавы, хотя над ними пришлось поломать голову. Найдя дорогу к вращающейся плите и убедившись, что за ней действительно находится кабинет, девушка уничтожила раритетную записку. Незачем посторонним знать о существовании секретных покоев.

Она хранила эту тайну для себя.

Но теперь нужно было найти таинственную шкатулку. А вдруг в ней хранятся какие-нибудь мощные артефакты? Моргана немного знала о магии – лишь то, что счел нужным рассказать брат. Из его беглых объяснений принцесса усвоила, что в магии все упирается в энергию, а энергия хранится

в артефактах. Из чего девушка сделала самый простой вывод – для сильной магии нужны сильные артефакты.

Руин говорил о сильной магии. Если она передаст ему хорошие артефакты, может, это решит его сомнения, и он согласится лечить ее.

Моргана принялась ощупывать стену. В записке было сказано о камушке, который надо вставить в выемку, и, наконец, такая выемка отыскалась. Принцесса давно поняла, что «камушек» имелся в виду вполне определенный, и на денек потихоньку позаимствовала из шкатулки матери бриллиант на серебряной цепочке. Все семейные драгоценности Арман-Улл передал... нет-нет, конечно не в дар, лишь на время, «попользоваться»... своей супруге. Украшения находились под таким же пристальным надзором, что и сама Дебора, но наименее ценные украшения леди Диланей разрешено было хранить у себя в покоях. Среди них оказался и этот бриллиант. Камень в двадцать пять каратов, не больше, ограненный «розой». Однажды Моргана увидела его изображение на портрете Деавы Нэргино, в глубоком вырезе ее платья, и решила, что именно он подходит под определение «камушек».

Бриллиант вошел в паз. Теперь его нужно было слегка подтолкнуть внутрь. Принцесса уде подняла руку – и тут же замерла. Из покоев ее отца отчетливо зазвучал его голос:

- Так что, думаешь, ты хочешь со мной породниться?
- Ну... Дык...

– Ну вот. И роднись. Женись на моей дочке.

– А какая там у тебя осталась?

– Как какая? Моргана.

Девушка почувствовала, что ей стало жарко, потом сразу же – холодно. На лбу выступили капельки пота и покатались вниз, по щекам. Если и было в этом мире что-то действительно страшное для нее, так это замужество. При одной мысли о том, что ее приведут и оставят в опочивальне наедине с мужчиной, принцесса чувствовала, как дурнота подступает к вискам. А понимание того, что должно произойти далее, и вовсе туманило сознание. Она и сама не помнила, с чего начался ее страх, зато об этом прекрасно помнила ее мать. Для Деборы это был лишь еще один повод испытывать к мужу глухую, затаенную ненависть.

Впрочем, поводов ей и без того хватало.

Моргана не помнила, что однажды стала невольным свидетелем жестокого насилия отца над матерью, но неизменно ощущала последствия этого случая, которые Руин называл «интимофобией», а отец откомментировал бы, как «блажь», если б узнал.

– Моргана-то? – лениво переспросил Та-Орхэльд, словно раздумывал. – Ну, нет.

– Что такое?

– Да ну ее. Жирную корову.

– Ну, тебе ж с лица не воду пить. Физиономию можно и тряпочкой завесить.

- При чем тут физиономия. Дура она какая-то...
- Так это лучше. Будет тихая, послушная. Клад – не жена.
- Клад-то клад... Да уж больно ест много.
- А ты что, не прокормишь?
- Да ну...
- Тогда кого же? Серину? Так она ж еще мала.
- Можно старшую. Отдашь Магиану?
- Магиану? – принцесса, припав у наблюдательной щели, увидел, как отец чешет в затылке. – Я бы отдал. Только где она? Леший ее знает.
- Найдешь – отдашь.
- Боюсь, к тому моменту, когда найду, ты уже сто раз женишься. Да и нужна ли она тебе, порченная?
- Почему думаешь, что порченная?
- Думаешь, она одна сбежала? Говорят, с каким-то парнем.
- Тогда дай попользоваться. Раз порченная, то уж все равно.
- Подумаю. Но главное-то – породниться. Что ж это за родство – попользоваться?
- Ладно уж, женюсь. Не на Магиане, конечно. Ну, скажем, на Серине. Моргана мне ни к чему. Кроме того, она и на троне-то не поместится, – оба мужчины залились хохотом и принялись отпускать шутки, от которых девушка покраснела и отвернулась от ажурной стенки.
- Снова взялась за бриллиант и аккуратно, пальчиком, под-

толкнула его в углубление. Чуть скрипнув, откинулась узкая каменная дверка, и в нише, которую она закрывала, обнаружился ларец. Моргана осторожно взялась за него с перенесла на стол.

Открылся он просто – никакого замочка. Внутри лежало зеркальце на изящной ручке, совсем маленькое, карманное, кольцо, пригоршня просверленных жемчужин, завернутых в полуистлевший платок, цепочка с несколькими камушками в оправе и два створчатых гематитовых браслета. Все это принцесса, осмотрев, уложила обратно в шкатулку, которую обернула своим шарфиком, сунула подмышку и поспешила прочь из тайного кабинета леди Деавы Нэргино. Внизу, в покоях отца хмельные мужчины начали петь песни сиплыми, но громкими голосами.

Моргана с облегчением закрыла за собой каменные двери. До своих покоев она добралась, никого не встретив по дороге, и первым делом спрятала шкатулку под кроватью. Ей очень хотелось посмотреть, что же за предметы там внутри, но разумнее было сперва положить на место материнское украшение, чтоб никто не хватился. Девушка, сжимая в кулаке драгоценность, уже направилась к двери, как та распахнулась, и на пороге возник пошатывающийся, пьяный Арман-Улл.

Принцесса отшатнулась, машинально закрываясь руками. В пьяном виде властитель был опасен, это знали во дворце все, от Деборы до последнего слуги.

– Так, иди-ка сюда, коровища, – рявкнул отец и схватил дочь за руку. Моргана побледнела от боли – хватка была очень сильной. В глазах Армана-Улла вспыхнули желтые искры, и, неторопливо подняв свободную руку, он ударил принцессу по лицу. Слегка. Для начала. – Как ты смеешь быть некрасивой, дрянь? – просипел он. – Принцесса должна быть красивой или хотя бы хорошенькой. Должна привлекать мужские взгляды – ни на что другое она не годится. На черта мне сдалась такая уродина, как ты? – правитель схватил ее за горло и слегка сжал. Глаза девушки округлились от ужаса. – Мне наплевать, что ты будешь делать. Я даю тебе две недели. Если не похорошеешь, разберусь с тобой по-свойски. Отправлю под нож, чтоб с тебя срезали лишний жир. Поняла? Что молчишь, мерзавка? – и замахнулся снова.

Моргана пыталась что-то сказать, но в перехваченном ужасом и отцовской рукой горле слова и звуки застревали. Привычка повиноваться скрутила судорогой ее тело – девушка даже не пыталась сопротивляться.

А в следующий момент хватка ослабла, и принцесса упав на пол, поползла прочь.

Перед Арманом-Уллом стоял Руин. Он был на полголовы выше отца, и крепко держал его за запястья. Девушка не видела лиц ни того, ни другого, но ей стало очень страшно. Она затихла, как мышка, спрятавшаяся за угол от кошачьей лапы.

Мужчины смотрели друг другу в глаза. Губы правителя, на которых неприятно пузырилась пена, дрожали и криви-

лись в причудливой смеси страха и ярости. Руин смотрел твердо, и одним взглядом говорил больше, чем мог сказать словами. При всех недостатках Армана-Улла он прекрасно чувствовал момент, недаром же сумел заполучить в свои руки власть над целым миром. Сын не делал ни одного угрожающего жеста, он казался невозмутимым, но очевидно, что сестру он собирается отстаивать всерьез. Впервые за двадцать лет отец пожалел, что приказал обучать своего отпрыска магии. Сейчас он отнюдь не был уверен, что одолеет Руина, дойди дело до открытой схватки.

С другой стороны, возможность напасть еще не есть само нападение. Нельзя заключить в темницу того, кто даже не пытается нападать. Но если кликнуть стражу, не исключено, что охранники прибежать не успеют, и в Провале появится новый правитель. В сознании Армана-Улла тут же вспыхнула хитрая мысль – подождать немного, потому что мальчишка рано или поздно не выдержит на людях. Тогда-то его жизнь окажется в руках у отца.

Он резко выдернул запястья из ослабшей хватки сына, бросил на него злой взгляд.

– Ну, смотри, – просипел он, развернулся и ушел.

Руин проводил его задумчивым взглядом – никто не мог бы угадать, о чем он подумал – и нагнулся над сестрой.

– Ты в порядке?

– Что ты наделал? – пролепетала она.

– Ты в порядке? Он ничего тебе не сделал?

– Я... Руин, он же тебя ненавидит. Он тебя отравит. Или как-нибудь иначе?

– Это пусть будет моей заботой, – раздраженно сказал принц. – Ответь – с тобой все в порядке?

– Да... Он только разок дал пощечину.

– Ага, а потом душил. Что случилось? Или просто у папы плохое настроение?

У Морганы задрожали губы. Слезы ручьями полились по щекам, испещренным красными пятнами, с ярким отпечатком пятерни на одной из них. Она смотрела на брата с тоской, от которой у него оборвалось сердце.

– Руин.... – принцесса с трудом перехватила воздух. Она задыхалась, как тогда, когда отец держал ее за горло. – Руин... Я умоляю... Ты сказал, что болезнь можно излечить... Я умоляю... Излечи.

– Моргана, – принц протянул руки, попытался взять ее за плечи – она в испуге оттолкнула его, даже не сознавая, что делает. Как всегда, в моменты психологического напряжения боязнь контакта с мужчиной становилась неосознанной, и принцесса готова была защищаться от любого мужчины, протянувшего к ней руки.

– Руин, папа сказал, что разделается со мной. Он сказал, что прикажет с меня... жир... срезать... Если...

– Что – если?

– Если я буду такой... такой...

– Такой, какая ты есть, ты хочешь сказать? Но, сестренка,

ты же должна понимать, что это ерунда. Отец не может наказывать тебя за то, в чем ты не виновата.

– Что ж, – с горечью сказала Моргана. – Когда, напившись в следующий раз, отец решит исполнить свою угрозу, я испытаю облегчение, что происходящее – ерунда.

Руин поднял брови. Он никогда еще не слышал, чтоб сестра говорила так твердо, даже с достоинством. Словно призыв к толпе, она гордо бросала ему в лицо слова, исполненные иронии и даже своеобразного мужества. Принц не любил говорить лишнего, но у него было очень говорящее лицо. Он думал сперва возразить, потом задумался, опустил глаза в пол. Оба отпрыска правителя отдавали себе отчет в том, что их отец способен очень на многое. Даже, пожалуй, на все.

Моргана почувствовала слабость.

– Руин, я умоляю тебя. Ведь он сделает то, что обещал, я знаю.

– Моргана, успокойся.

– Я спокойна, – она вздрогнула всем телом.

А потом вдруг повалилась ему в ноги, обняла колени неподвижного брата и заплакал. В первый миг он испугался, а в следующее мгновение уже гнал от себя отвращение. Он знал, что сестра просто нездорова, но знал это лишь умом. Болезненный облик сестры, что ни говори, оскорблял его эстетическое чувство.

Стыдно было думать так. Почти в испуге за себя и свои мысли он нагнулся и подхватил ее, попытался поднять с по-

ла. Обвисая в его руках, она плакала.

– Руин, пожалуйста.

– Но я не могу. У меня не хватит сил. Пока еще не хватит.

– А если будут силы? – девушка с отчаянием смотрела на брата. Глаза у нее были влажные, огромные, прелестные, как само небо, и Руин почувствовал, что его затягивает в этот бездонный омут. Он перестал видеть мятую, испещренную пятнами кожу одутловатого лица – у женщины с такими глазами могла быть только лилейная кожа.

– Я сделаю, – сказал он, едва понимая, о чем речь.

– Обещаешь? – девушка вскочила.

– Обещаю.

Слезы Морганы мгновенно высохли. Она просияла и, едва утвердившись на ногах, тут же нырнула под кровать. Принц испугался, что с ней опять нехорошо. Но сестра тут же вынырнула обратно со шкатулкой в руках, протянула ему объемистый ларец. Руин принял, не понимая, что это такое, открыл крышку – и ощутил запах магии.

Учителя говорили принцу, что у него удивительный дар, что будущее сулит ему огромные силы, если, конечно, юноша будет прилежно трудиться. Руин любил магию, и ему нравилась бы учеба в Магических Академиях, если б его туда не «ссылали» – именно так выглядела отправка по приказу правителя – и если б там не существовало чересчур вольных нравов, оскорблявших эстетические и нравственные чувства, опасных для физического и психического здо-

ровья... Именно так говорилось в прошениях, отправленных правителю от оскорбленных учеников и их родителей. Но Арман-Улл делал вид, что ничего не замечает. Именно в ту Академию, что имела самую скандальную славу, он отправил своего двенадцатилетнего сына, надеясь, что тяжелое обучение и окружающие нравы сломят его, и он станет более покладистым.

Руин выстоял. Он давно перестал бояться насилия со стороны других учеников-пансионеров и никогда не опасался насилия со стороны учителей – слишком он был родовит, редко забывал принять маску гонора и властной силы. Взглядом он умел смирять всегда, даже в детстве. Но весь этот «академический беспредел» оставил глубокий след в душе принца – магию он любил и одновременно ненавидел. Инстинктивное отторжение подтолкнуло его пытаться искать какие-то новые пути использования своей силы. И тогда он нащупал способ проникать своей энергией в энергетику другого человека.

На эту тему он писал последнюю выпускную работу. Магистр, принимавший у него эту маленькую диссертацию, сказал, что молодой человек слишком близко подошел к особенностям так называемой белой магии. Он имел в виду магию, бывшую в ходу на Белой стороне. Руин встревожился, потому что знал – смешивать магии нельзя. И не потому, что это противоречит единой магической концепции, а потому что смешение противопоказано и крайне опасно для мага.

Маг либо темный, либо белый, причем он не выбирает – он рождается либо тем, либо тем.

Но в каких-то мелких нюансах смешение приемов Руину удавалось без последствий. Обычно с редкой ясностью, как никто, он ощущал аромат постороннего присутствия в магии – каких-то чувств, которые испытывал человек, создававший основу артефакта, наполнявший его силой. Но здесь, в шкатулке, находилась чистая сила и чистые заклинания. Принц понял, что тем, кто создавал эти предметы, двигала та же страсть к кристально-бесстрастному магическому искусству, какая владела им самим. Руин осторожно запустил пальцы внутрь и вынул гематитовые браслеты. Он держал на ладони черные блестящие каменные кольца, тяжелые, словно свинцовые, и понимал, что не может положить их обратно. Они были созданы для него.

Руин осторожно поставил шкатулку на туалетный столик, перехватил браслет и открыл его. защелкнул на своем запястье. Острый, как порез, холодок опоясавший кожу, очень быстро сменился блаженством от приятного прохладного прикосновения полированного камня. Принц надел второй браслет и опустил голову. Волны силы пронизывали его тело, на лбу выступила легкая испарина, которая тут же высохла. Ощущение было сладостным. Молодой маг медленно нагнулся над шкатулкой, вынул зеркальце и взглянул в него.

Из полированного серебряного обода, опоясывающего глянцевую поверхность зеркала, на него смотрела тьма. Аб-

солютная, густо клубящаяся тьма, в которой время от времени проскальзывали искры, вспыхивающие, как молнии.

Станным образом это зрелище почти не удивило его. Почему-то нечто подобное он ожидал увидеть. Вздохнув, он положил зеркальце обратно в шкатулку – челом вниз.

Моргана терпеливо ждала и смотрела с надеждой.

– Откуда у тебя эти вещи? – спросил он, поворачивая голову. По отсутствующему взгляду она поняла, что мысли брата гуляют в неведомой дали. Но ответ он ждал.

– Я их нашла.

– Где?

– Здесь. Во дворце.

– А точнее?

– В заброшенной части.

Из немыслимой дали он сознанием вернулся к ней и, посмотрев осмысленно, сказал:

– Не хочешь говорить, не надо, – Моргана покраснела, но Руин сделал вид, что не заметил этого. – Скажи только, кому они принадлежали? Кто их сделал?

– Деава Нэргино.

– Леди Деава? Ну, надо же. Никогда б не подумал, – принц поглядывал на сестру с любопытством, но допытываться, откуда шкатулка, не стал.

– Так они достаточно сильны, эти вещицы? С их помощью ты сможешь?.. Ну, излечить меня?

– Браслеты – сильны. Зеркальце – очень своеобразный ар-

тефакт, но из него не получить энергию. Камушки на цепочке – рабочий артефакт, помочь способен немногим. Его можно не принимать в расчет.

– А жемчужинки?

Руин провел ладонью над шкатулкой. Улыбнулся сестре с лукавинкой.

– Это – противозачаточное. Надеваешь одну бусинку на шнурочек и носишь, пока не рассыплется в пыль.

Девушка покраснела и отвернулась.

– Так ты сможешь?

– Моргана...

– Не уходи от темы.

Руин посмотрел на запястья, охваченные черными глянцевыми кольцами. Помолчал.

– Смогу. Но не сейчас. Мне нужно время, чтоб освоиться с энергетикой браслетов.

– Сколько времени?

– Думаю, что... Пара недель.

Моргана вздохнула. Нее было лицо человека, полного решимости терпеть, но в глазах – прекрасных, синих глазах, глубоких, словно небо – вспыхивали желтые искры.

– Я буду ждать.

Руин отвернулся, и, больше не говоря ни слова, вышел из комнаты сестры. Ему тяжело было смотреть на нее, тяжело признаваться самому себе, что он, наверное, дал опрометчивое обещание.

В своих покоях он первым делом уселся у столика с большим хрустальным шаром – экраном, и положил по сторонам руки с браслетами. Магический экран отобразил два черных сияющих вихря... Да, именно так, черных, но при этом сияющих. Они завивались тугими спиралями на его запястьях. Сильные артефакты, но при стоящем размахе их хватает лишь на два хороших, многоступенчатых заклинания. Таился в них какой-то секрет, но какой-то Руин не мог понять. «Ладно, – утешил он себя. – Потом разберусь». Странное поведение зеркала заинтересовало его больше, но тут он обнаружил, что не забрал его из комнаты сестры. Пришлось сходить. К счастью, в покоях Морганы не оказалось – уже успела куда-то уйти – и это избавило принца от необходимости вновь заглядывать в ее умоляющие глаза.

Он лишь шагнул в ее спальню, взял из шкатулки зеркальце, и ушел. У тесной троицы – Руина, Морганы и Дэйна – было заведено заходить друг к другу без стука и брать пользоваться чем угодно. Свои мощные артефакты, опасные в неумелых руках, старший из троих хранил под сильными заклинаниями.

Зеркальце, поднесенное к экрану, отобразило сетку сложного переплетения, а экран не показал ничего. Чистый свет. Значит, заклинание без наполнения, работает от энергии того, кто к нему обращается. Но какова его особенность, экран не показал. Принц еще раз сверился с зеркалом. Та же мгла, пронизываемая золотистыми молниями.

Поколебавшись, Руин опустил вещицу в карман.

На следующий день, с утра, во дворце начался переполох. Обнаружилось не только исчезновение пленницы, о которой правитель, запраздновавшись, на какое-то время забыл, а офицер почел за лучшее ограничиться рапортом и попроситься на дальний рубеж – скрыться с глаз долой. Он поступил мудро – правитель за неимением под рукой виновника сорвался на каком-то солдате – первом попавшемся – и слуге. По Руину, присутствовавшему при экзекуции с непроницаемым лицом, никто не сказал бы, что он имеет ко всему этому отношение. Разъяренный Арман-Улл с видом лакочки, у которого из-под носа выдернули сладкую плюшку, подлетел к нему и замахал руками, вопя:

– Ну, и что ты по этому поводу думаешь?

– Безобразие, – серьезно ответил Руин. – Не дворец, а проходной двор.

Ответ правителю понравился и, решив не превращать в козла отпущения еще и сына, он, ворча, ушел. Можно было не сомневаться, что девице, которую этой ночью потребует к себе Арман-Улл, не поздоровится. Принц был спокоен за мать – та как раз приболела. Болезнь была легкая – какое-то женское недомогание (бессмертные никогда не страдали никакими инфекционными заболеваниями) – но правитель все равно панически боялся заболеть и от недомогающих родственников держался подальше.

Внезапное смутное подозрение охватило молодого сына

правителя, он украдкой вынул зеркальце Деавы Нэргино, развернулся, будто рассматривая себя, и направил полированное серебро на отца.

Нечто вязкое, липкое, слизистое отразилось в нем. Нечто настолько отвратительное, что даже не вызывало ассоциации со змеей или драконом. Нет уж, скорее сброшенная осклизлая кожа какого-нибудь пресмыкающегося, движущаяся в некоем, лишь одной ей понятном ритме.

Руин резко опустил зеркальце и прикрыл его складками одежды. Минутное смятение пришло на смену пониманию – и того, что из себя представляет артефакт, и того, что происходит в Провале.

Той же ночью, даже не спускаясь в магический покой, поскольку предполагаемое действие было очень простым, принц прямо на ковре у кровати сел в медитацию и, приложив самые минимальные усилия в сосредоточении, вышел в астрал. Это межмировое пространство было единым для всей Вселенной, но так же вместительно, как и невелико. Легко доступными оказывались любые его уголки. Духовная составляющая сознания любого мага могла выйти туда и действовать там так же свободно, как физическое тело – в материальном мире. Все ощущения, дарованные телу, заменялись в астрале суррогатами, впрочем, вполне убедительными.

Но зато там не существовало ни смерти, ни боли, ни многих других негативных сторон бытия. Не нужно было прила-

гать особых усилий, чтоб преодолевать пространство – его здесь и не было. Возможность встречаться с кем угодно, передавать какие угодно сообщения или как угодно развлекаться зависели только от личной силы человека, упорства и навыков.

Руин не стал никого искать или обращаться за помощью – он мгновенно создал и отправил некое послание с «порхающим адресом» – то есть письмо, способное найти адресата, в какой бы точке астрала он ни оказался.

Короткое послание без подписи, адресованное лишь одному во всей вселенной человеку, гласило: «Правитель мира под названием „Провал“ (Черная сторона) нуждается в ликвидации, поскольку явственны признаки вырождения...»

Руин вел себя, как всегда, казалось, он не обременен никакими посторонними мыслями. Он спускался на обед в огромную трапезную, холодно раскланивался со сводными сестрами и братом, почти не общался с отцом. Из двоих братьев он сохранял более или менее дружеские отношения только со старшим, который при дворе не жил уже много лет – он находился на южном рубеже Провала, там, где тот смыкался с недружественным «диким» миром – то есть миром, с которым не было заключено никакого договора. Стычки на рубеже случались редко, но наследник правителя сидел там безвыездно – Руин подозревал, что из-за отца. Арман-Улл в ком угодно готов видеть угрозу, особенно в старшем сыне,

не лишенном способностей военачальника.

Моргана, равно как и Дэйн, старалась не попадаться на глаза батюшке. У девушки все никак не проходили синяки на шее, и ее старший брат, продолжающий сомневаться, стоит ли предпринимать магическую операцию, понял, что надо. Как любые болезни, магические опасны, если запущены, и могут приводить к неприятным последствиям. Вот, у Морганы уже начинаются отеки. И лечить все равно нужно, как бы ни противилась душа, как бы не остерегал здравый смысл.

Предпоследняя дочь властителя было терпелива, как может быть только женщина. В течение двух оговоренных недель она ни словом, ни жестом не дала понять, насколько напряженно ее ожидание, не спросила: «Когда?» Желай молодой бессмертный успокоить себя, он легко обманулся бы, сказав, что его сестра забыла об обещании. Это не так. Моргана не могла забыть, и Руин прекрасно понимал.

Особенно чутким людям показалось бы, что при дворе правителя в Провале стало неуютно. Нарастала напряженность, и вряд ли кто-нибудь, кроме некоторых проницательных людей, догадывался, в чем дело. А так жизнь, казалось бы, шла своим чередом, и никого ничем не удивляла. В конце недели Арман-Улл опять избил жену. Руин как раз выезжал в город по своим магическим делам, и лишь по прибытии узнал об инциденте. При дворе говорили об этом с определенным перекосом.

Случившееся было интересно не потому, что правитель

избил жену — эка невидаль — а потому, что в самый разгар экзекуции, как раз когда Улл начал распалаться и входить в подлинный раж, в дверях внезапно появился принц Дэйи и, крикнув: «Держи!», швырнул в отца резиновый шарик. Правитель машинально поймал. Тонкая резина в пальцах лопнула, и властителя обрызгало чем-то вонючим, пузырящимся. Брезгливый, панически боящийся за себя, Арман-Улл с воем бросился отмываться, позвал магов и своего алхимика.

Вещество оказалось совершенно безвредным, но выходка Дэйи отвлекла внимание его отца от матери на добрые три часа, а потом уж Арман-Улл и не помнил, с чего все началось. В течение следующих нескольких дней принцу пришлось прятаться от гнева батюшки где попало, в том числе и в заброшенном крыле замка. Впрочем, ему было не приходить. К счастью, правитель всегда отличался плохой памятью. Да и с сыном он почти не общался. Дэйи не нужно было прикладывать больших усилий, чтоб пропасть с глаз долой и не показываться.

Глаза Руина потемнели, когда он слышал всю эту историю. Принц покосился на отца, который громко ел индюшку, сидя во главе стола, и ни на кого не обращал внимания. Странно было бы предпринимать что-нибудь задним числом. Кроме того, что тут можно сделать? Только расправиться с отцом раз и навсегда. Руин не считал, что хоть чем-то обязан батюшке, не испытывал к нему ни любви, ни уважения, но рука на него все равно не поднималась. Да и не так

это просто. Арман-Улл знает толк в интригах и переворотах, помнит, каким образом сам добился власти. Но один из его отпрысков не держит в руках нитей реальной власти. Он панически боится смерти.

В любом случае, ничего не выйдет.

Принц с усилием опустил глаза в тарелку. Бешенство душило его, но пока выдержка оказывалась сильнее. Неприятно было смотреть на человека, которого приходилось называть отцом. Не выдержав, Руин встал из-за стола и ушел из трапезной.

Он направился к матери.

Дебора лежала на кровати в своей комнате. У нее было заплаканное лицо, испуг застыл в глазах, хотя избиение случилось накануне. Обычно такая веселая, бойкая, острая на язычок, иногда даже немного стервозная, сейчас она больше напоминала затравленного котенка, жмущегося в углу. При виде ее бледного лица с лиловыми синяками и огромными глазами, уширенными страхом, у Руина что-то сжалось под ложечкой. Он подошел, присел, обнял ее, и мать прижалась к его плечу, плача от облегчения.

– Ни за что, понимаешь? – жаловалась она, хотя сын ни о чем ее не спрашивал. На скулах принца набухали желваки.

– Тебе надо бежать, мама, – сказал он внезапно.

– Да куда мне бежать? Куда? Бог их знает, где теперь шляются мои родственники. А вдруг они меня ни примут?

– Мам...

– Куда я пойду? На Белую сторону? Так меня там и ждут. И что я буду делать на Белой стороне? Ни денег, ни документов... Я теперь провальская подданная, меня не примут в Центре.

Руин знал, что его мать с Белой стороны, и лишь теперь насторожился, услышав знакомое название.

– В Центре? Ты из Асгердана? Из Центра?

– Я жила там раньше, – рыдала Дебора. – Боже, как там было хорошо! И сдернул меня черт тащиться со своими родственниками незнамо куда! Сама дура. Ведь звали меня замуж, звали, а я, дура, отказалась! Дура!

Скрипнула распахивающаяся дверь. Супруга властителя пискнула, прячась за сына, Руин обернулся, готовый защищать мать, но это оказался не Арман-Улл. В дверном проеме стоял Дэйн – весь в паутине, каких-то клочках и пятнах, встрепанный и потный. Он был невысокий, подвижный и щуплый, и, хотя ему едва исполнилось двенадцать, какие-то неуловимые признаки позволяли догадаться, что намного крепче он не станет. Телосложением Дэйн немного напоминал отца, но это все, чем он его напоминал. У младшего принца были живые, выразительные глаза, искренние и чистые, как два родника, красивые, ровные черты лица, по-матерински вздернутый носик и манеры ребенка-непоседы. При необходимости он умел расположить к себе любого человека, но вскоре большинство знакомых начинали его сторониться – слишком он был непредсказуем.

– Мама, – позвал мальчишка. – Мама!

– Что ты здесь делаешь? – Руин сдвинул брови. – Ты разве не понимаешь, что отец может просто убить тебя? Марш в укрытие, и сиди там!

– Мама, – не обращая внимания на брата, сказал Дэйн и шагнул в комнату. Лепешка грязи, оборвавшись с кожаной куртки, шлепнулась на шелковый ковер. Юный принц протягивал матери руки, аккуратно сложенные чашечкой. – Смотри, какую я тебе штуку приволок. Светится.

Он разжал пальцы, и на ладони оказался огромный таракан, покрашенный ярко-синей краской. Дэйн осторожно стряхнул насекомое на парчовое покрывало кровати, где лежала мать.

В таракане от кончика усов до «хвоста» было сантиметров пятнадцать. Дебора вскочила и завизжала в голос. А невозможно одновременно визжать и рыдать. Слезы высохли в один миг.

– Мам, ну посмотри, какой он классный! – уговаривал принц.

Таракан, шевеля усами и не оставляя надежд на то, что он, может быть, ненастоящий, уверенно пополз по ткани в направлении хозяйки кровати. Подхватив длинные юбки, Дебора порскнула в ванную и заперлась там.

Руин, не торопясь, потянулся и взял таракана за лапку. Насекомое взбрыкнуло. Инстинктивно наморщив аристократически тонкий нос, принц перехватил его за тулови-

ще и поднял в воздух. Казалось, таракан смотрит на пленителя с укоризной.

– Откуда он у тебя – такой большой и синий?

Дэйн пожал плечами.

– Да я просто поймал обычного таракана и напоил своими химикалиями. А он мало того, что вырос, еще и посинел. И стал светиться в темноте. Представляешь?

Старший брат покатился со смеху, глядя на озадаченное и очень серьезное лицо Дэйна. Тот выглядел младше своих лет, и такая сосредоточенность на лице мальчика казалась комичной.

– Как ты умудрился напоить таракана химикалиями? Уговаривал долго?

– Вообще не уговаривал. Бросил в банку и все – что ему оставалось делать?

– Ну, а что потом?

– А потом начал расти и светиться.

– А если б утонул?

– В банке было мало вещества. Если б утонул, значило бы, что это плохой таракан и для опытов непригоден.

Даже из ванной донесся хохот. Дебора, конечно, не могла удержаться, и по привычке внимательнейше прислушивалась к чужим разговорам. Впрочем, принцы говорили громко.

– Сам-то ты не пробовал пить?

– Пробовал. Но на меня не действует. Видно, не суждено

мне вырасти и начать светиться.

– Да уж, – Руин протянул насекомое брату. – Держи. Он мне ладонь щекочет.

– Отпусти его, пусть побегает.

– Не пугай мать своими светящимися экспериментами. Забери.

– Она же все равно сидит в ванной, животного не видит. Пусть оно порезвится.

– Не вечно же маме сидеть в ванной.

– Да, выметайтесь отсюда со своими тараканами! – завопила из-за двери Дебора. – Еще раз увижу, что ты, Дэйн, с насекомыми возишься – выдеру!

– Не поймаешь! – крикнул в ответ младший принц, забрал у брата насекомое и вышел из спальни. Руин последовал за ним. – Может, его к папе в комнату запустить?

– Чтоб я тебя не видел близ отцовских покоев! И у официальных зал тоже. Кстати, где ты просидел эти сутки?

– В заброшенном крыле. У меня там комнатуха оборудована.

– Когда ты сюда шел, тебя кто-нибудь видел?

– Никто не видел. Я не шел, я полз. По гремлинским ходам.

Руин остановился посреди коридора.

– Как ты умудрился?

– Ну, там есть довольно широкие лазы. Темновато, правда. Но у меня был таракан. Он полз впереди.

– Ты неподражаем, – рассмеялся Руин.

– Я знаю, – Дэйн мотнул головой, отбрасывая назад пряди черных волос, падающих на глаза.

А через десяток шагов впереди зазвучали чьи-то шаги. Младший сын властителя нырнул куда-то за угол и исчез – видимо, в одном из гремлинских лазов. Появившийся слуга не успел даже хотя бы заметить его движение. Руин лишь улыбнулся юркости своего брата.

Дэйн вновь появился лишь поздно вечером в комнатухе Морганы – довольный и сытый (принц заглянул в кухню и стянул целую курицу, которую потом пришлось есть в одиночку), но еще более грязный и вдобавок мокрый, но уже без таракана. По его словам, он поручил насекомое заботам гремлинов, и те клятвенно обещали о нем позаботиться. Уже знавшая всю историю Моргана в ответ высказала предположение, что гремлины собираются использовать таракана в качестве лампочки. Дэйн задумался и заявил, что эксперимент нужно развивать на млекопитающих, и что, пожалуй, крысу проще заставить пить.

– Представляешь себе крысу размером с собаку? – ахнула девушка.

– Зато она светящаяся. Издалека видно. Удобно.

– Что – уворачиваться в темноте?

– Да нет. Перепрыгивать.

– Ужасно, – при всем при том девушка не могла удержаться от смеха.

Потом открылась дверь, вошел хмурый Руин, и при виде старшего брата вся веселость младшего как-то разом увяла. Он опустил глаза и одернул на себе куртку. Несмотря ни на какие приличия или требования родителей Дэйн ходил в кожаной одежде, украшенной заклепками, а то и шипами. Знал ли он, что это за мода, где он ее откопал – неизвестно, но в Провале, в среде золотой молодежи подобная одежда постепенно становилась популярной.

– Ээ... Я, пожалуй, пойду, – сказал он грустно и полез под кровать, где должен был находиться очередной лаз для гремлинов.

– Я тебя не гоню, – старший принц сел в кресло у двери и устало провел по лицу.

Моргана была очень стеснительной, и первые пять минут она не знала, как подступиться к разговору. Братья молчали, у одного был вид ученого, смертельно уставшего от своей работы, у другого – вид ребенка, который понимает, что его сейчас будут ругать. Но желание добиться своего было слишком сильным. И когда Руин поднял взгляд на сестру, та собрала с духом и робко напомнила:

– Руин, прошло две недели.

– Да, я помню.

– Ты... помнишь? Ты обещал мне. Ты... не передумал?

Руин поднял на нее глаза. Хмурость стремительно стала превращаться в холодность. Когда молодой принц обращался к магии или хотя бы вспоминал о ней, он переставал

быть просто человеком и становился просто магом. Никаких чувств, только знание и искусство, воплощенные в человеческом облике. Глаза его постепенно становились совершенно черными, и Моргане стало немного страшно. Даже Дэйн, казалось, начал испытывать неудобство под пронизывающим и одновременно пустым взглядом старшего брата, поскольку снова полез под кровать.

– Я помню свои обещания.

– Ты... сделаешь? – едва слышно пролепетала она.

– А ты уверена, что этого хочешь?

– Конечно, – не имея сил сдерживаться, простонала она.

– Неужели для тебя так важны восхищенные мужские взгляды?

– Мне нет дела до мужчин. Но у меня есть собственные глаза. Или ты считаешь, что кроме тебя не может быть никого, кто стремился бы к красоте?

Руин выслушал ее бесстрастно.

– Я должен предупредить тебя, – добавил он. – Эта процедура болезненна. Очень, очень болезненна.

– Пусть.

– Да елки-палки, где эта нора? – пропыхтел под кроватью Дэйн.

– Брат, вылезай, – бесцветно сказал принц.

Сосредоточение магии высшего порядка начинала завладевать им. Старший из троицы был магом об Бога, и знал это, а потому все в своей жизни подчинял искусству чар. Даже

человеческие чувства. Когда на него снисходило ощущение, что вот оно, время колдовства, пришло, для Руина переставал существовать весь мир. Он видел вокруг только силу, бушующую, как горная река, знания, которые напоминали убранные камнем берега – в таких смиряется любой поток – и само сознание мага, его дух, отводящий воду себе на службу. Молодой бессмертный всегда точно знал, чего хочет, и не испытывал страха перед лицом стихий: он привык, что сила всегда покоряется духу и знанию.

Дэйн вылез из-под кровати. Оправил одежду и с невольным испугом посмотрел на Руина.

– Ты мне поможешь, – сказал тот, и младший сын правителя немедленно кивнул. Но тут же спохватился:

– В чем помогу?

– Лечить Моргану.

– А-а... Да, конечно.

– Ты будешь делать то, что я скажу, не пререкаясь и не задавая вопросов. Все, что я приказываю, какой бы странной ни казалась тебе просьба.

Когда Руин говорил таким тоном, ему невозможно было противиться, и Дэйн молча кивнул. Вслед за тем молодой маг обратил свой взор на сестру, и тьма его взгляда показалась ей обжигающей, как сердцевина самого небесного светила. Принцесса втянула голову в плечи, как черепашка.

– Раздевайся, – бесстрастно приказал старший брат.

Моргана не ожидала ничего подобного. Сперва она поду-

мала, что ослышалась, потом – что это шутка. Но Руин смотрел на нее без улыбки, и не просто смотрел – он ждал, когда девушка исполнит приказание. Она побелела и молитвенно сложила руки. Принцесса не могла произнести ни слова – горло снова перехватил спазм.

– Делай, – повторил принц. – Не заставляй меня повторять. Быстрее.

Ей стало страшно. Но не повиноваться было еще страшнее. Близкая к обмороку, девушка разделась, пытаясь прикрывать ладонями дряблое тело в жирных складках. Младший сын властителя отвернулся, как только она распустила шнуровку платья – не потому, что зрелище было ему так уж неприятно, а потому, что застыдился, да и сестру не хотел смущать. Но тут безжалостный брат перевел взгляд и на него. Показал на Моргану.

– Свяжи ее.

– Руин, о чем ты говоришь?

– Свяжи.

– Руин, я...

– Делай, что сказано. Руки и ноги. Возьми ее пояс и шнур от балдахина. Связывай и держи ее.

Что было потом, Дэйн почти не запомнил. Кажется, он держал связанную сестру за плечи, а она рвалась с необычайной, неправдоподобной силой и так громко выла – то ли от боли, то ли от испуга – что скоро Руин не выдержал и заткнул ей рот свернутым шарфом. Что делал старший брат, Дэйн

не запомнил тоже. Кажется, просто прикладывал правую ладонь к обнаженному телу Морганы то там, то там. Пальцы его рук светились, правая – особенно, и каждый раз девушке становилось плохо. Сперва она еще пыталась кричать, а потом затихла, и лицо у нее стало сонное, равнодушное, будто одурманенное.

Грудь принцессы ходила тяжело и медленно. В кляпе больше не было нужды, и Дэйн даже потянулся вынуть его, но не смог донести руку. Зрение шалило, близкие предметы казались далекими, далекие наплывали, и подросток узнал состояние магического истощения. Должно быть, брату он понадобился не только для того, чтоб держать несчастную сестру, но и для самого магического действия, как источник энергии. Что ж, человек – отличный проводник для заклинаний.

Дэйн несколько не злился за это на Руина, наоборот, радовался, что смог помочь, но теперь он чувствовал себя таким слабым, таким усталым, как никогда в жизни. Это было особенное чувство усталости, когда не видят глаза, не слышат уши, притупляются тактильные ощущения, а об остальном и говорить незачем. С трудом фокусируя зрение на Моргане, младший сын правителя мог разглядеть только маленький участок кожи, где медленно бледнело и выцветало лиловое пятно синяка, да Руина, пошатывающегося, но все-таки стоящего на ногах.

Наверное, надо бы убрать с сестры руки и добраться до

кровати... Или хотя бы поудобнее устроиться на ковре. Дэйн понимал это и несколько раз принимал решение шевельнуться, но каждый раз почему-то ничего не делал. Мысли воровались в его голове медленно, как валуны в лаве, пережевываемые адским жаром. Сперва он подумал о том, что Моргана, кажется, спит, потом – что надо бы задернуть шторы, поскольку свет слишком ярк. Потом – что Руин каким-то образом двигается, хотя по логике должен бы лежать пластом, как Дэйн, и даже скорее, чем Дэйн, потому что он не просто тратил силы, он еще и колдовал.

Но Руин двигался. Пусть и держась за стену, но двигался. Он задернул шторы – скудный вечерний свет резал ему глаза, будто ножом – стащил горячий гематитовый браслет с правого запястья и бросил на пол. А потом стащил с сестры Дэйна и приложил пальцы к его шее. Проще, конечно, было проверить его состояние магией, но о какой магии могла идти речь после такого. Старший из троих и сам не знал, на чем он держится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.